

Девочка
МАЖОРОВ

- 2

Sasha Han

Sasha Han

Девочка Мажоров - 2

<https://litres.ru/74241597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад Надю пригласил ее однокурсник Леша на дачу к своему приятелю - мажору Диме.

И кто же знал, что вместо девушки Димы, там окажутся еще двое наглых сыночков высокопосталвенных отцов.

Для Нади все закончилось в больнице, но обошлось малой кровью.

Леша, чувствуя вину и откровенную симпатию к Наде, забирает ее к себе.

Казалось бы - все хорошо, Надя простила, у них любовь, впереди вся жизнь.

Но ... На горизонте появляется Юля - дочь медиамагната, а это ... перспективы, карьера, деньги ...

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	15
Глава 3.	25
Глава 4.	35
Глава 5.	46
Глава 6.	54
Глава 7.	62
Глава 8.	73
Глава 9.	82
Глава 10.	89
Глава 11.	98
Глава 12.	106
Глава 13.	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Sasha Nan

Девочка Мажоров - 2

Вторая книга о Надюше. Продолжение.

Начало здесь – <https://www.litres.ru/74030418/>

Дево́рка
МАЖО́РОВ
Sasha Han

Глава 1.

Как жаль, что следующий день был понедельник. Будильник прозвенел резко, неприятно, вырвал из сна. Вадим все чаще мне разрешал работать из дома — говорил, что нет смысла тратить время на дорогу, если задачи можно делать удаленно. Поэтому в офисе я появлялась ну может пару дней в неделю. Это было очень удобно, так как я еще продолжила редактировать сценарии и частенько что-то вставляла туда от себя — реплики, которые звучали естественнее, сцены, которые логичнее ложились в сюжет.

А иногда приезжала на съемочную площадку, посмотреть, как оживают тексты. И это был самый увлекательный момент — видеть, как слова превращаются в действие, в эмоции актеров, в кадры.

Что самое интересное — Вадим стал тоже туда наведываться. Под эгидой того, что там же много молоденьких симпатичных актрис. А я как бы могла его туда провести — у меня был пропуск, связи с режиссером.

Меня это не беспокоило — чем больше он обращает внимание на других, тем меньше мне грозит что-то типа приставаний. Он подробно любил обсудить со мной ту или другую актрису — эта слишком худая, у той нос кривой, а вот та ничего, посмотри какая грудь.

Как-то даже с кем-то уехал — с такой шатенистой доволь-

но стройной девушкой, тонкая талия, длинные ноги, играла второстепенную роль. Однако на следующий день он с некоторым удивлением сообщил, что она его продинамила — голос был недоуменный, будто это что-то невозможное.

Но то есть не дала вот прямо сразу в тот же вечер. Интересно — а он ее куда-то хотя бы пытался сводить. В ресторан? Или думал, что так прокатит?

— А ты ее куда-то пригласил? — поинтересовалась я, искренне любопытно.

— Нет, — лениво ответил он, развалившись в кресле, ноги вытянуты, руки за головой, — а надо было ее еще погулять, да? — тут он усмехнулся, одна бровь поползла вверх, в глазах насмешка.

— Ну типа да, — удивилась я. Это же очевидно. Или нет? Он что думал, что просто его вид и машина — этого достаточно? Просто покажи Порш Кайен и она уже твоя?

— Да поздно уже было, вы же там до хер знает сколько снимаете, — совсем как мне показалось даже и не сильно расстроено заявил он. Пожал плечами, отмахнулся.

Мне нравилась вся эта суета киношная и я бы хотела может и работать постоянно там, но пока вот я работала в основном у Вадима, а здесь я пока была на очень таких второстепенных ролях редактора, который все-таки может проникнуть на съемочную площадку. Наблюдать. Учиться. Вникать в процесс.

Это было распоряжение Леши. Кажется его очень ценили,

насколько я могла понять по реакции на него многих работников. Он явно уже не был просто главным редактором. Я не совсем понимала даже его положение в компании, но оно явно быстро стремительно даже менялось в лучшую сторону.

Как-то я была на съемочной площадке, стояла в сторонке, смотрела как снимают сцену в ресторане — столики накрыты белыми скатертями, официанты сновали, актеры репетировали диалог. И Вадим опять туда притащился.

— А Леха где? — как-то так со странной интонацией спросил он. Голос тягучий, значимый, с намеком на что-то. Смотрел прямо на меня, изучающе.

— На работе, — спокойно ответила я. Было уже поздно, часов девять вечера, темно за окнами, но он еще два часа назад смснул, что будет поздно. Я уже привыкла не дергать его постоянно уточняя, когда же именно!

— Да-а? — протянул он со свойственной ему интонацией. Одна бровь поползла вверх, уголки губ дернулись в усмешке.

— Что — да? — уставилась я на него. Ну да — была пятница и хотелось бы может куда-то сходить вдвоем. В кино. Просто погулять. А он опять задерживался.

— Поедем? — протянул он мне руку, ладонь вверх, приглашающе.

— Куда? — насторожилась я. Что-то в его тоне было неправильное, настораживающее.

— Ну туда, где он работает, — смотря прямо в глаза, сказал он. И что-то неприятно, но отчетливо говорило мне, что

он не имеет в виду офис. Взгляд был слишком значимый, слишком изучающий. В животе похолодело.

— Что ты имеешь в виду? — настроение летело вниз ди-чайшими темпами. Сердце забилося быстрее, в горле пересохло.

— Поехали, ты же тут все равно ничего не делаешь, заодно поедим, — предложил он. Голос легкий, будто ничего особенного.

— Поедим? — уточнила я. Может я неправильно поняла?

— Ага, — кивнул он. Подмигнул.

Ну хорошо. В ресторан можно. Это публичное место. Люди вокруг. Официанты. Но на его машине... Хотя... Он, бывало, меня время от времени подкидывал домой — когда поздно, когда ливень.

Приставал? Приставал. То клал руку на колено, поглаживал, пальцы поднимались выше, то пытался поцеловать — притягивал к себе на светофоре, губы тянулись к моим, я отворачивалась. Но... Как-то он так всегда вовремя предлагал, когда ужасно не хотелось тащиться пешком. Да можно и такси было бы вызвать, но... Иногда просто вот хотелось плюхнуться в его Порш Кайен и комфортно доехать до дома. Кожаные сиденья, музыка, климат-контроль. Ну да — комфортно.

И ничего же все равно не случилось. Потому что самое дикое случилось уже в самом начале.

Мы быстро приехали в Балци Росси — ресторан с массив-

ными стеклянными дверями и приглушённым золотистым светом внутри. Кудринская площадь в это время суток дышала вечерней Москвой: где-то хлопали двери такси, кто-то торопливо цокал каблуками по брусчатке, а в воздухе витал запах осенней влаги, смешанный с выхлопными газами.

Мы с Лешей здесь никогда не были. Я точно помнила — не были. И оттого, что сейчас я входила сюда с Вадимом, внутри что-то сжалось, точно невидимая рука медленно перекрывала доступ кислорода.

Зал встретил нас приглушённой музыкой — что-то джазовое, ненавязчивое, с протяжными нотами саксофона. Запах дорогого кофе смешивался с ароматом свежеиспечённого хлеба и лёгкими нотками пармезана. Столики были расставлены на комфортном расстоянии друг от друга, мягкое освещение падало от стилизованных под старину бра. Всё здесь дышало той европейской элегантностью, которую так любит московская богема.

Мой взгляд метнулся по залу сам собой — машинально, инстинктивно. Я искала его силуэт, линию плеч, знакомый наклон головы. Где он? С кем?

И тут... Наши глаза встретились.

На картинке общая идея этой сцены.



Время будто заскользило, замедлилось, превратилось в вязкую субстанцию. Леша сидел у дальней стены, напротив панорамного окна. Напротив него — девушка. Прямая спина, словно натянутая струна. Чёткая, графичная линия удлинённой стрижки — волосы цвета меди с красноватым отливом в свете бра. Юля. Это была Юля.

Губы Леша приоткрылись — я увидела это движение, такое знакомое, когда он хотел что-то сказать. Но... Он не встал. Не махнул рукой. Даже бровью не повёл. Просто смотрел на меня — и в этом взгляде не было ничего. Пустота. Белый лист. Стеклянная витрина.

Вадим обхватил меня за талию — его ладонь легла чуть выше бедра, пальцы слегка надавили, направляя. Победная улыбка растянула его губы, я видела её краем глаза, чувствовала это торжество в его прикосновении. Он повёл меня в дальний угол, туда, где Юля физически не могла бы меня увидеть, даже если бы повернула голову.

Хотя какая, к чёрту, разница? Я же пришла с Вадимом. По всему видно — пришла с ним.

Внутри что-то сжалось и застыло — не просто боль, а именно окаменение, будто все внутренние органы одновременно превратились в холодный мрамор. Дышать стало трудно. Я вообще не думала о том, как Леша воспримет моё появление здесь. С Вадимом. Он же всё знал — что Вадим приезжает на площадку, что подвозит меня домой. Это не было секретом.

Он же сам написал, что будет поздно.

А я думала, что его стремительная карьера -- это просто потому, что он умный парень? Он умный. Но... Этого недостаточно.

Почему он так мне ничего и не сказал? Почему? Просто пока не хочет? Не уверен? В чем? Ну да... Она-то дочка ме-

диамагната, а он просто умный парень с хорошим образованием.

Что-то сдавило внутри, будто кто-то стянул корсет слишком туго. Воздух стал вязким, тягучим, как перед грозой. А что я ожидала? Все же так очевидно -- уже пару ночей его не было дома. Постоянные задержки на работе.

Но люди же часто много работают для того, чтобы сделать карьеру -- это нормально! И все равно. Ну мне же казалось. Я чувствовала. Кожей чувствовала -- что-то было между нами. Что-то настоящее.

Но тогда, когда он пришел только утром в воскресенье, у нас был и великолепный секс и такой приятный день вместе... Конечно, я подумала, что да -- была какая-то тусовка с этими богатенькими дяденьками, но у него ничего не было -- он же прямо с утра на меня накинулся. Голодный, жадный, настоящий.

Однако его поведение сейчас -- когда он даже не хотел показывать, что видит меня -- было более чем красноречиво.

Как финальный выстрел в голову. О чем мы будем говорить утром завтра? Как я вообще поеду домой... Это же его квартира...

-- Что ты будешь? -- совершенно спокойно спросил меня Вадя, как обычно в своей важной манере развалившись на кресле и листая меню.

Страницы шелестели под его пальцами -- мягко, размеренно, как будто он не только что не разрушил мой мир од-

ним своим приглашением в этот ресторан.

-- Кофе, -- еле выговорила я.

Голос прозвучал чужим, глухим.

-- Не ожидала? -- он выглядывал из-за книжечки меню.

В его глазах плясали искорки -- довольные, насмешливые.

-- Не ожидала, -- выдохнула я.

-- Бывает, -- пожал он плечами, слегка улыбаясь.

Он явно был доволен. Видимо, что наконец ткнул меня как котенка носом в его... Ну понимаете.

-- Ты специально -- да? -- спросила я его.

Глава 2.

Мои пальцы сжались вокруг салфетки на столе -- белоснежной, накрахмаленной, идеальной. Как и все здесь.

-- Ну да, специально, -- честно ответил он.

В его голосе не было ни капли раскаяния. Только какое-то торжество.

-- Что -- больше ничего не будешь? -- удивился он.

-- Нет, я не могу есть, -- еле проговорила я.

Горло сжалось так, что казалось -- если проглочу хоть крошку, меня вывернет наизнанку прямо здесь, на этой белоснежной скатерти.

-- Ну тогда я тоже, -- вздохнул он.

Вадим посадил меня так, что я больше не видела Лешу и Юлю, я сидела к нему спиной.

Нам принесли кофе. Запах был насыщенным, горьковатым, обволакивающим -- обычно я так любила этот аромат. Сейчас он казался удушливым. Я сделала буквально три глотка -- обжигающая жидкость оставила след во рту, горький, неприятный -- и сказала:

-- Я не могу, я хочу уйти.

-- Пошли, -- Вадим тут же кинул купюру на стол, явно покрывающую счет уж за кофе точно, и встал, протянув мне руку.

Его движения были четкими, отрепетированными. Он яв-

но планировал это. Каждый шаг.

В машине уже я не понимала, что мне сейчас делать. Еще час назад я просто собиралась уютно устроиться на диване и опять что-то посмотреть, приготовить сразу на пару дней, чтобы был запас. А сейчас? Что мне делать?!

Внутри все дрожало -- мелко, противно, как будто меня трясло от холода, хотя в машине было тепло. Даже жарко. Кондиционер гудел тихо, монотонно.

-- Пить хочешь? -- Вадим протянул мне бутылку воды, внимательно смотря на меня.

Его глаза изучали мое лицо -- спокойно, оценивающе, как врач изучает симптомы.

Я ее буквально схватила, потому что стало как-то быстро очевидно, что все пересохло и горло как-то скрутило. Пила жадно, захлебываясь, и вода была слишком холодной, обжигала пищевод, но это хоть что-то -- хоть какое-то ощущение, за которое можно зацепиться.

-- Поехали? -- предложил он.

Я кивнула. Я сейчас не понимала куда. Мы просто поехали...

За окном поплыла ночная Москва. Огни фонарей размазывались по стеклу -- желтые, оранжевые пятна, сливающиеся в одну светящуюся дорожку. И на самом деле действительно поплыла... Потому что потом как-то все поплыло... Вадим... Квартира -- чья? Я не дома?...

Звуки стали приглушенными, как будто я слушала мир

через толстое стекло. Лифт -- гудение механизма. Дверь -- щелчок замка. Квартира -- запах чего-то... кедра? Дорогого парфюма? Все смешалось.

Реальность следующего утра заставила буквально вспотеть, лежа на кровати. Тело покрылось липкой испариной -- холодной, неприятной. Я не дома. Я не в нашей с Лешей кровати. Простыни под спиной были другими -- более гладкими, прохладными, пахли незнакомым кондиционером для белья.

Рядом Вадим спит, обнявшись с подушкой в прямом смысле слова. Его дыхание размеренное, глубокое -- спокойное. Как у человека, который спит без кошмаров.

Меня как током ударило. Разряд прошел от затылка вниз по позвоночнику, заставив каждую мышцу сжаться. Я вскоčila. Боже -- я голая! Я так и спала?

Прохладный воздух коснулся кожи, и это ощущение было почти болезненным -- слишком реальным, слишком очевидным доказательством того, что все это правда.

Голова закружилась от резкого подъема, и я слетела с кровати на, благо, очень мягкий бежевый ковер с длинным ворсом, ударившись рукой о прикроватную тумбочку. Острая боль пронзила запястье, но это была хорошая боль -- отвлекающая. Мне стало больно... А главное страшно жалко себя.

Ворс ковра мягко щекотал кожу, длинные нити касались бедер, живота.

-- Надь, ты как? -- с кровати свесился сонный Вадим.

Его волосы были растрепаны, глаза прищурены от света,

но в них уже читалась усмешка.

-- Что я тут делаю? -- на глазах выступили слезы обиды.

Они жгли, горячие, предательские. Горло опять сдавило -- болезненно, удушливо.

-- Я на всякий случай все записал, чтобы ты не говорила потом, что ничего не было, -- улыбался широко он.

-- Что записал? -- я просто не могла даже воспринять все это свалившееся на меня разом.

Естественно, я помнила, что Вадим меня привез в ресторан, где были Леша и Юля. И он даже сделал вид, что не увидел меня. Мой Леша.

А потом я только уже помнила, что села в машину Вади... и потом все какими-то урывками, как обрывки сна. Запах кожаных сидений. Тепло его руки на моем колене. Лифт -- зеркальные стены, в которых мы отражались, но я не узнавала себя.

-- Мы наконец-то нормально потрахались, -- он продолжал довольно улыбаться.

И да -- он тоже был голый. Его тело было расслабленным, довольным. Ни капли смущения.

-- Что?! -- он серьезно? Я? С ним?

-- Нет, вру -- мы охуенно натрахались, -- перефразировал он итог ночи.

Слова падали как пощечины. Грубые. Жесткие. Реальные.

Потом он слез с кровати и сел рядом со мной. Ковер прогнулся под его весом. Его запах был близко -- резкий, муж-

ской, смешанный с чем-то еще... с моим собственным запахом.

-- Ты ударилась что ли? Такой грохот был, -- сообщил он мне, от чего проснулся.

-- Ты это для Лехи записал? -- я была в ужасе.

Холод прошел волной по телу. То есть он специально хочет меня скомпрометировать?

-- Для Лехи? Да нет. Ты что -- думаешь, он мою великолепную задницу никогда не видел? Видел, -- посмеялся он.

Смех был коротким, самодовольным. Как будто он рассказывает анекдот.

-- Что? -- я просто не в состоянии была все это переваривать.

-- Нет... Надюш... Это так -- для семейного архива, ну и чтобы его Юля не сомневалась, если что, что ты со мной, -- пояснил Вадик.

-- Как? Как с тобой? -- я задавала эти бессмысленные вопросы.

Да при чем тут Юля! Ну в том смысле -- зачем ей-то это?

-- Не, ну это так, на всякий случай. Ей полную версию, естественно, никто показывать не будет, -- заверил он меня.

-- Покажи, -- трясущимся голосом потребовала я, все еще сидя вот так голой на ковре.

Голос дрожал, срывался на полушепот. Несмотря на начало сентября, погода была очень теплой, и в квартире тоже было тепло, даже может жарковато. Она явно сильно нагрелась.

валась днем. Солнечный свет пробивался через щели в жалюзи -- яркий, безжалостный, высвечивающий каждую деталь этого кошмара.

-- Может в душ и продолжим, а? -- предложил он совершенно другой вариант дальнейших действий.

Его рука легла на мое плечо -- тяжело, собственнически.

-- Не трогай меня, -- я стала пытаться отползти.

Ворс ковра цеплялся за кожу, оставляя красные следы на бедрах.

-- Стоять, нет уж, -- схватил он меня за руку.

Пальцы сомкнулись вокруг запястья -- горячие, твердые, не дающие вырваться.

Он повалил меня тут же на ковре, прижимая руки по обе стороны от головы к полу. Его вес придавил меня -- тяжело, неотвратно. Я чувствовала каждый сантиметр его тела на своем.

-- Не... не надо... Вадя...

-- Расслабься, все было круто, тебе просто надо расслабиться сейчас, -- он целовал мою шею и терся на самом деле полустоящим членом о мою киску.

Его губы были горячими, настойчивыми. Языком он проводил по пульсирующей жилке на шее, зубами прикусывал мочку уха. Дыхание обжигало кожу.

-- Не надо, -- начала я пытаться вырваться.

Мышцы напряглись, но это было бесполезно -- он был слишком тяжелым, слишком сильным.

-- Тихо, -- он занял мои губы поцелуем, продолжая возбуждать себя таким простым способом, как пока внешний контакт с моей кошечкой.

Поцелуй был жестким, требовательным. Его язык проник в мой рот, забирая воздух, забирая волю. А внизу я чувствовала, как он становится все тверже, все больше.

Минута -- две, и результат был достигнут. Он начал входить, хотя как будто медленно и осторожно. У меня не было сил продолжать сопротивляться.

Я была разбита своим кошмарным положением, прижата к полу всем его весом. А самое ужасное было осознавать, что входит он как по маслу -- там все текло... Что это? Последствия какого-то наркотика, что он мне подмешал?

Тело предавало меня. Реагировало помимо воли, помимо желания.

Наверное...

А осторожность была видимо связана с другим... Я поняла, что у него не просто больше... у него значительно больше!

Растяжение было ощутимым, почти болезненным. Он заполнял меня полностью, раздвигая стенки, проникая глубже, чем я когда-либо чувствовала.

Он двигался сначала медленно, как будто проверяя, как глубоко он может зайти, а потом отпустил мои руки и перехватил мои бедра, чтобы начать резко и сильно насаживать меня, вот как и показывают во всяких хардкор фильмах.

Пальцы впивались в кожу бедер -- болезненно, оставляя

следы. Каждый толчок был глубоким, жестким, безжалостным.

Я кричала и даже не понимала от чего конкретно -- да, мне было больно, я не привыкла к такому размеру, в то же время дикая волна возбуждения разливалась по телу, и я... я не хотела, чтобы он останавливался!

Звуки вырывались из горла помимо воли -- громкие, неприличные. Смесь боли и удовольствия, протеста и капитуляции. Внутри все пульсировало, сжималось вокруг него, втягивая глубже.

Боже, как долго... Разве столько можно?

Время потеряло смысл. Может быть, час. Тело онемело от ощущений -- слишком ярких, слишком интенсивных.

Он перекидывал мои ноги в разные позиции -- то себе на плечи, то на бок, то просто согнув их в коленях. Каждая позиция открывала новый угол проникновения, новую глубину.

А потом я почувствовала один его палец в попе.

У меня так не было. Ни с кем. И с Лешей тоже не было.

Палец был настойчивым, проникающим. Непривычное ощущение заставило меня сжаться.

-- Нет-нет, не надо... -- запротестовала я.

-- Да-да-да, я туда тоже хочу, -- он проникал пальцем все глубже, потом вторым, буквально не останавливаясь и продолжая трахать мою киску.

Ощущения наслаивались одно на другое -- переполнение,

растяжение, невозможность. Два пальца раздвигали сфинктер, готовя, подготавливая.

-- Нет! Мне больно! -- пыталась я остановить его.

-- Ну сейчас тебе точно не больно, а вот потом может будет немного, -- нагло заявил он, вообще не останавливаясь.

-- У меня так не было, -- попыталась я объяснить.

Голос прерывался, срывался на всхлипы.

-- О... да ты анальная девственница... ну так даже прикольно... -- он все равно не собирался останавливаться!

Я слышала довольство в его голосе. Азарт. Предвкушение.

-- Расслабляемся, дышим, -- он начал вставлять член, крепко держа мои бедра.

Головка упиралась в сжатое кольцо мышц. Давление нарастало.

Я пыталась отпихнуть его руками, но мне ничего не удалось сделать. Он просто впился в меня и не выпускал. Пальцы впечатывались в кожу бедер, держали намертво.

Я только что буквально орала от того, что он был у меня в киске, а теперь... Нет... это невозможно...

-- Нет, не надо... -- дыхание сбивалось от и так активного секса, и от страха.

Воздух захватывало урывками, неровно. Легкие горели.

-- Глубокий вдох, -- скомандовал он, -- выдох, -- и... какой кошмар, он вошел наполовину.

Боль была ослепительной. Резкой. Разрывающей. Как будто меня раскалывали изнутри.

Я закричала. Мне казалось это просто какой-то дикий ужас и боль.

-- Отпусти, отпусти, -- просила я.

Глава 3.

-- Еще немного, потом будет лучше, -- его голос скользил по воздуху, обволакивающий, словно бархат. Он явно продельывал это множество раз...

Каждое слово было выверенным, расслабляющим. Интонации спокойные, почти убаюкивающие. В них звучала уверенность человека, который точно знает, что делает. Опыт, накопленный не с одной и не с двумя.

-- Я не могу... -- голос сорвался на полусшепот, переходящий в стон.

Слезы текли горячими дорожками по вискам, оставляя влажные следы на коже. Соленый привкус на губах. Капли скатывались в волосы, запутывались в прядях, пропитывали их у корней теплой влагой.

Его пальцы активно работали на моем клиторе -- уверенные, настойчивые движения, -- и одновременно он пропихивался все дальше и дальше в попку.

Круговые движения сменялись точечными нажатиями. Поглаживания перетекали в более интенсивные прикосновения. Удовольствие смешивалось с острой болью внизу живота, в области копчика -- невыносимый коктейль противоречивых ощущений, от которого разум отключался.

Мне кажется, я так громко кричала, что должны были уже сбежаться все соседи. Но, может, у них тут так часто проис-

ходит?!

Звуки вырывались из глубины груди -- хриплые, надрывные, животные. Я не узнавала свой собственный голос, это было что-то первобытное, неконтролируемое. Связки болели от напряжения.

Измывательство над моей попкой продолжалось нереально долго -- словно часы превратились в вечность. Как он вообще так может выдерживать? Я кричала до хрипоты, молила остановиться, отпустить, плакала ...

Он двигался медленно, размеренно, но неумолимо -- как прибой, который невозможно остановить. То почти полностью вытаскивал член, давая короткую передышку, иллюзию облегчения, несколько секунд для того, чтобы перевести дыхание. То входил глубже, глубже, еще глубже -- миллиметр за миллиметром. Тело приспособлялось против воли, мышцы растягивались, принимали вторжение, подстраивались под его ритм.

И когда он наконец вытащил свой член -- резко, одним движением, -- он как-то мгновенно оказался между моих ног, начав очень активно орудовать там языком.

Горячий, влажный, невероятно гибкий. Он лизал длинными движениями от входа до клитора, сосал набухшие губки, проникал внутрь. Не давал отдышаться, не давал прийти в себя хотя бы на секунду. Слюна смешивалась с моей влагой, звуки были непристойно громкими в тишине спальни.

-- Что? -- я уже была просто без сил, казалось, что мозг

отключился, соображать вообще не могла, -- не надо, -- я опять пыталась его оттолкнуть ладонями от своих бедер, но и здесь он был дико настойчив.

Руки тяжело падали на его голову, пальцы запутывались в волосах, пытались оттолкнуть, но не могли. Не было сил даже сжать пальцы как следует. Мышцы не слушались, превратились в вату.

И теперь я уже кричала от оргазма -- новые звуки, еще более неконтролируемые, -- пытаюсь вывернуться всем телом, извернуться, сбросить его с себя. Меня накрывала волна за волной -- господи, так вообще бывает?! Все внутри скручивало, как белье в стиральной машине на отжиге, тело сотрясалось крупной дрожью, а он не выпускал меня из плена своих рук, и его язык продолжал неумоимо гулять по моему клитору и распухшим губкам.

Спазмы проходили один за другим сквозь все тело -- от макушки до пяток, не давая ни секунды передышки. Мышцы влагалища сжимались судорожно, расслаблялись на мгновение, сжимались опять еще сильнее. Я выгибалась дугой, мелко дрожала, всхлипывала, задыхалась. Удовольствие было почти невыносимым -- слишком интенсивным, слишком острым, на грани боли.

-- Круто? -- он лег на меня обессиленную сверху всем своим весом, придавливая к ковру, и еще раз провел по разгоряченным, распухшим складочкам пальцем -- медленно, собирая влагу.

От прикосновения к перевозбужденной, гиперчувствительной коже я вздрогнула всем телом и взмолилась, чувствуя, как по позвоночнику пробегает новая судорога:

-- Все!!!

-- Ну теперь все, -- он улыбался, и в голосе звучало удовлетворение собой.

Он поднялся -- легко, в отличие от меня, -- и протянул руку, помогая подняться. Ноги дрожали в прямом смысле слова, это не было метафорой. Колени подгибались, совершенно не держали вес тела. Пришлось опереться на его плечо, чтобы не упасть. Он поддерживал меня под локоть крепким хватом, направляя к двери.

Он отвел меня в ванную комнату. Она у него была прямо в спальне -- через отдельную дверь, никаких коридоров. Целая джакузи! Белоснежная чаша, огромная, на четыре-пять человек легко, с золотистой фурнитурой, которая поблескивала в свете встроенных светильников.

Он стал наполнять ванну, повернув краны, и начал кидать туда разноцветные бомбочки для ванны. Они шипели при контакте с водой, бурлили пеной, растворялись, постепенно окрашивая воду в нежный лавандовый цвет с молочным оттенком. Запах был насыщенным, обволакивающим, сладковатым -- лаванда, ваниль, что-то еще цветочное, может, жасмин или роза. Аромат заполнял все пространство, проникал в легкие.

-- Залезай, расслабляйся, -- он сделал приглашающий

жест рукой.

Я даже спорить не стала -- мне надо было и помыться после этого совершенно животного, первобытного секса, и правда хоть как-то расслабиться, прийти в себя. Вода была горячей, почти обжигающей, обволакивала кожу приятной тяжестью. Я погрузилась по шею, откинула голову на бортик, и мышцы наконец начали потихоньку расслабляться, отпустить напряжение. Между ног все еще пульсировало -- тупая, ноющая боль, отдающая в копчик и поясницу.

Он залез ко мне следом. Вода плеснула через край, разлилась по белой кафельной плитке небольшой лужей. Он устроился напротив, вытянув длинные ноги, его колени почти касались моих бедер.

-- А учитывая, что ты еще и готовишь отлично! -- мечтательно стал рассуждать о чем-то своем он, глядя в потолок.

Я просто откинулась на мягкий бортик джакузи и пыталась не думать о том, что произошло только что. О том, что происходило ночью, о том... Да просто я не могла сейчас ни о чем думать вообще. Совсем.

Голова была пустой, выжженной, как после пожара. Только физические ощущения -- горячая вода, обволакивающая кожу, приторный запах лавандовой ванны, тупая боль внизу живота и между ягодиц.

-- Сиди здесь, я сейчас вернусь, -- он вылез из ванны, расплескав еще воды, взял большое синее полотенце с полки и куда-то пошел, не закрывая дверь ни в ванную, ни в спальню.

Я слышала его шаги по квартире -- уверенные, размеренные, тяжелые. Паркет поскрипывал под его весом. Слышала, как он что-то делает на кухне -- звон посуды, шум льющейся воды из крана, открывающиеся и закрывающиеся дверцы шкафов.

И вдруг я услышала, что он открыл кому-то входную дверь -- характерный щелчок замка, скрип петель -- и голос Леши:

-- Где она?

Что? Как? Почему он здесь сейчас?!

Голос был резким, требовательным, с металлическими нотками. Я узнала бы его из тысячи голосов, даже если бы он прозвучал в толпе.

Уже через минуту Леша влетел в ванную комнату, хотя я отметила периферийным зрением, что обувь он все-таки снял в прихожей. Он всегда был аккуратен, педантичен в таких вещах. Вот даже в такой ситуации это срабатывало автоматически.

Я смотрела на него каким-то отсутствующим, стеклянным взглядом, не в силах сфокусироваться. Запах лаванды в воде вдруг стал удушающим, тошнотворным, приторным -- слишком сладким, слишком навязчивым.

-- И давно это у вас? -- глухо, сдавленно спросил Леша, останавливаясь в дверном проеме.

В его голосе была боль -- глухая, сдавленная, едва контролируемая. Я видела, как напряглись мышцы его шеи, проступили вены. Видела, как дернулась скула.

-- У нас? -- глупо, тупо переспросила я, не понимая, что вообще сказать.

Я даже не могла связать слова хоть в какое-то осмысленное предложение, не то, чтобы как-то объясниться, выдавить из себя объяснение. Я же не сама сюда приехала! Он мне точно что-то в воду подкапал вчера, это очевидно.

Только сейчас, глядя на Лешу... Его взгляд был одновременно растерянным и разъяренным -- странная смесь боли и ярости. Зрачки расширены, почти черные.

То есть он меня сейчас просто обвинит во всем, да? Так и было задумано? Вся эта ситуация?

А кем? Кем задумано? Вадимом?

Или ими обоими?

Может, это была их общая договоренность с самого начала?

Все эти мысли были такими резкими и громкими в голове, что казалось, от них разрываются ушные перепонки. Как будто у меня в черепной коробке кто-то кричал изо всех сил, не давая услышать ничего другого. Внутренний крик заглушал все остальные звуки -- даже плеск воды в ванне.

-- Не буду мешать, -- Леша резко развернулся и пошел к выходу большими шагами, а у меня не было сил ни останавливать его, ни сказать что-то в свое оправдание, ни крикнуть ему вслед.

Горло сжало так сильно, что невозможно было выдавить ни звука. Спазм перекрыл дыхание.

-- А куда ты пошел? Я думал, останешься, -- совершенно спокойно, даже с легкой усмешкой попытался его «по-дружески» остановить Вадим.

Как?! Останешься?! Чтобы что?!

-- Да нет, спасибо, -- бросил Леша через плечо, и я услышала, что входная дверь за ним закрылась.

Хлопок был резким, финальным, окончательным. Как выстрел в упор. Как приговор.

Вадим очень быстро вернулся обратно -- меньше, чем через минуту -- и залез опять в джакузи, устраиваясь напротив меня:

-- Ты чего расстроилась? Да не парься, -- вот так вот он «успокоил» меня, махнув рукой.

Ну конечно -- зачем мне «париться»? Уже совершенно незачем.

-- Че, ты так не привыкла, да? Что-то ты вообще никакая совсем, -- прокомментировал он свое наблюдение за моим текущим состоянием, разглядывая меня.

-- Что мне делать теперь? -- у меня полились новые слезы по щекам, смешиваясь с водой из ванны.

-- Хочешь -- ко мне переезжай, -- абсолютно невозмутимо предложил Вадим, как будто речь шла о том, чтобы взять кофе на вынос.

-- Что? -- кажется, у меня глаза расширились от ужаса.

-- Ну не буду я уж каждую ночь тебе такую устраивать, не бойся, -- опять посмеялся он, явно довольный собственной

шуткой.

-- Я вижу, что ты не в форме сейчас, поэтому завтрак будем заказывать, или ты хочешь куда-то пойти? -- он уже взял свой мобильный телефон с бортика ванны и начал листать меню ресторанов.

-- Нет, -- я опять пришла в ужас, представляя, что куда-то мне надо сейчас с ним выходить на люди. У меня ноги даже не держат, я едва стою.

Он вел себя так, как будто я не кричала буквально полчаса назад под ним до хрипоты и не молила выпустить меня, остановиться, прекратить.

Или у него всегда так происходит?

Это его норма?

Я чувствовала себя ужасно, отвратительно. Меня вытрахали как последнюю шлюху -- жестко, безжалостно, не особо интересуясь моим мнением, -- а Леша теперь думает, что это у нас уже давно так происходит. Регулярно. То, что он увидел -- это я в джакузи Вадима. После секса. И все. Он же не знал, не видел, как это все происходило на самом деле.

++++
++++

Алексей.

Боже. Как же ужасно все получилось. Как же все пошло не так.

Сволочь Вадик -- он специально ее привел в ресторан. Нарочно все подстроил.

Я не мог, просто физически не мог к Надюше подойти сейчас. Я не мог... Любое мое действие могло все испортить окончательно. Даже малейший намек на то, что у нас все еще с ней отношения, мог все разрушить до основания. Я же Юле четко сказал, что мы с Надей давно расстались. Месяца три назад.

А она все норовила в гости зайти -- постоянно напрашивалась, придумывала поводы. Зачем ей моя квартира? Ну очевидно же -- чтобы проверить! Найти какие-нибудь следы Нади.

Но так... Что она зашла неожиданно, а я сделал вид, что вообще не вижу ее... Блять, как отвратительно все получилось. Как мерзко.

Вот же сволочь, Вадя, вот зачем это было делать?! А?! Какого хрена?!

Я никогда не оставался ночевать у Юли. Не знаю почему. Она сама любила спать одна, говорила, что ей некомфортно с кем-то в постели. Да и мне особо не хотелось.

Мне хотелось вернуться к Наде. Всегда.

Глава 4.

Алексей.

Помню, тогда был такой короткий, какой-то сумбурный, неудачный секс с Юлей -- я торопился, не мог сосредоточиться. Потом я вернулся домой, Надя уже спала -- свернулась калачиком под одеялом. А утром... Господи, мы так классно провели время! Она бурно кончила прямо утром, громко, раскованно.

Я уже знал буквально каждый миллиметр ее киски, каждую складочку. Знал, как она реагирует на каждое мое движение -- когда вздрагивает, когда стонет, когда выгибается. Когда надо медленно и нежно, когда можно пожестче и быстрее.

Раньше она категорически не любила сзади, напрягалась и зажималась, но я постепенно исправил это заблуждение. Терпеливо приучил.

Как она ласкала мои яички языком, как нежно лизала головку... У меня голова аж закруживалась от этих воспоминаний.

Я приехал домой ночью, а Нади нет. Он же сволочь всегда привозил ее домой после съемок, насколько я знаю...

Ну да... Насколько я знаю. Так Надя мне всегда говорила. Но так она и была действительно всегда дома.

Мне было даже выгодно, что он постоянно припирается

на съемочную площадку и все видят, что он ошиивается во-
круг Нади, увозит ее на своей тачке. Как раз как бы подтвер-
ждало для окружающих, что мы с Надей не вместе. Отлич-
ное прикрытие.

А то, что я привлек ее к этой деятельности, к съемкам --
а что такого? Помогаю по старой дружбе человеку. Ничего
особенного.

Я стал набирать ей нон-стоп ночью, как сумасшедший --
раз двадцать, наверное. Потом просто вырубился, заснул от
усталости. Утром опять она не отвечала на звонки, телефон
был недоступен. И я поехал к этой заразе -- вот же сволочь.

А это у них первый раз или на самом деле нет?

Может, уже давно?

Открыл мне в одном полотенце -- синем, на бедрах. Зна-
чит, утром продолжили то, что начали ночью. Нет, я должен
ее увидеть. Должен.

Влетел в квартиру и сразу в спальню -- инстинктивно, не
думая. А она в джакузи. Просто лежит в джакузи, расслаб-
ленная. То есть это не первый раз, судя по поведению?

То есть она мне все это время врала? Что он просто до
дома довозил после работы? А может, они уже давно на на-
шей кровати трахались?

Стоп... Все... Как бы там ни было...

А что делать теперь? Вещи Нади же в квартире... Надо
что-то решать.

+++++

+++++

Надя.

Что мне теперь делать?

Вадим сказал — переезжай ко мне. Серьёзно или пошутил?

Нет, вряд ли шутка. По его лицу видно — он имел в виду буквально. Глаза смотрели прямо, без усмешки.

У меня, конечно, хватит денег снять квартиру на первое время. Накопила немного. Но ведь ещё депозит вносить — обычно месячную оплату сразу. Плюс первый месяц. Это уже больше, чем у меня есть на счёте. Хорошо — можно у него взять займы. А что он за это попросит взамен?

Хотя какая уже, в принципе, разница?

Лёша даже не попытался меня выслушать. Не дал сказать ни слова. Просто посмотрел, развернулся и ушёл. А ему, наверное, это и не нужно было. У него же теперь Юля есть.

А когда он вообще планировал мне об этом сказать? Наверное, скоро всё равно собирался. Просто Вадим чуть ускорил этот процесс, форсировал развязку — разумеется, с выгодой для себя.

Принесли завтрак. Курьер позвонил в домофон — резкий электронный трезвон разорвал тишину квартиры. Вадим нажал кнопку, пробурчал что-то в переговорное устройство. Через пару минут в дверь постучали.

Это что вообще — завтрак?

Огромные крафтовые пакеты с тиснёнными логотипами

дорогих ресторанов. Не забегаловки с бургерами, а те места, где мы вчера ужинали — белые скатерти, официанты в жилетах, винная карта на двадцать страниц. Я вытаскивала из пакетов одну коробку за другой — картонные контейнеры разных размеров. Пахло чем-то пряным, сладковатым, дразнящим. Там было на пять человек минимум. До конца дня точно можно всё это есть.

— Вадим, это завтрак? — я словно находилась в каком-то сомнамбулическом состоянии, двигалась медленно, заторможенно. Голова ватная, мысли разбегаются, не складываются в цельную картину. Я вытаскивала упаковки на стол, ставила их в ряд — белый пластик, прозрачные крышки, сквозь которые просвечивала еда.

— Ну да, я же не знал точно, что ты будешь есть, — спокойно пожал он плечами и потянулся к одной из картонных коробок. Движение естественное, без малейшего смущения. Собирался есть прямо из контейнера.

— Я положу на тарелку, — я быстро забрала у него коробку из рук. Пальцы коснулись его ладони — тёплая, сухая кожа.

Я сейчас не думала о том, что он делал со мной меньше часа назад. Не хотела об этом думать. Просто терпеть не могла есть из коробок — как бездомные на вокзале или студенты в общежитии. Это неприятно. Неэстетично.

— О, давай, — удивился он, приподняв брови. В голосе прозвучала неподдельная заинтересованность.

Вадим дал мне домашнюю одежду. Женскую. Моего размера — совершенно точно моего. Футболка мягкая, трикотажная, приятная к телу. Домашние штаны свободного кроя, на резинке. Он сказал, что это для меня специально купил. Что это моё.

Может, врёт? Может, просто держит запас для бесконечной вереницы таких, как я?

Но на вид всё было действительно совершенно новым. Бирки срезаны недавно — видны следы от ножниц на внутренних швах, нитки торчат. Хотя вещи постираны — пахло стиральным порошком и кондиционером для белья. Чистый, свежий запах, какой бывает у только что высохшего белья.

Мне нужно было собраться с мыслями. Я просто не понимала, что мне делать дальше. Вообще ничего не понимала. Будто стою на краю обрыва, а позади земля осыпается — и непонятно, куда теперь шагать.

— Короче, я пишу Лёхе, чтобы он привёз твои вещи сюда, — совершенно спокойно, деловито сказал Вадим, уже набирая сообщение в телефоне. Большие пальцы быстро бегали по экрану. Он даже не поднял на меня глаз — сказал это так, словно речь шла о доставке пиццы. Как будто это был: а) уже решённый вопрос, не требующий обсуждения; б) вопрос совершенно бытовой, технический, а не касающийся того, что моя жизнь сейчас разрушена полностью.

Моя жизнь с Лёшей разрушена окончательно.

Я подумала — ну да, наверное, правильно. Мне действи-

тельно будет невыносимо приехать и собирать вещи самой в нашей — в бывшей нашей квартире. В квартире, которую я совсем недавно ещё называла домом. Своим домом. Где каждый угол, каждая вещь связаны с воспоминаниями.

Поэтому так даже будет лучше. Проще. Быстрее. Не придётся стоять посреди комнаты и вспоминать.

А потом я как-нибудь решу вопрос с жильём. Ну в конце концов, до завтра я точно могу здесь остаться. Один день. Переночевать, выспаться, прийти в себя.

Боже... А если он опять будет меня трахать вечером?

Нет. Постараюсь съехать сегодня же. Обязательно. Найду что-нибудь, хоть комнату.

— Сказал, что привезёт через два часа, — опять же очень спокойно, буднично сообщил мне Вадим, глядя в экран телефона. Лицо невозмутимое, в голосе ни малейшего напряжения.

Меня качнуло в сторону. Буквально повело — я схватилась за край столешницы, чтобы не покачнуться. Вот так просто — с вещами на выход, значит. Лёша даже не спросил, что случилось. Вообще. Даже «что произошло?» не написал. Даже «ты в порядке?» не поинтересовался.

Стоп... Где мой телефон?

Я просто вообще ничего не соображаю, голова чугунная, тяжёлая. Мысли ползут, еле движутся. Надо сосредоточиться.

— Вадим, где мой телефон? — обратилась я к нему, пы-

таясь собрать фокус, навести резкость.

— Бля, я его отключил, Лёха звонил нон-стоп ночью, заебал конкретно, — сообщил он мне это как что-то совершенно обычное, бытовое. Тон такой же, каким говорят про включенный утюг или незакрытый кран.

— Звонил?! — с неожиданной надеждой, которая кольнула остро в груди, переспросила я. Сердце ёкнуло, забилось быстрее. Значит, всё-таки пытался дозвониться. Значит, искал меня.

— Ну да, он видно домой пришёл вчера, тебя нет, — рассуждал он, листая что-то в телефоне. Большой палец скользил по экрану вниз, вниз — бесконечная лента новостей или сообщений.

Сволочь!

— Что ты мне подкапал в воду вчера вечером?! — мне хотелось его просто размазать по кафельной плитке на кухне, разбить лицо. В груди вспыхнула ярость — горячая, обжигающая. Руки задрожали. Я представила, как бью его — по этому самодовольному лицу, по этим губам, которые сейчас насмешливо изогнуты.

— Секрет, — ухмыльнулся он, явно довольный эффектом. В глазах плясали озорные искорки.

— А если бы мне плохо стало?! Если бы я отравилась?! — возмутилась я, чувствуя, как внутри закипает что-то горячее, злое. Голос сорвался на крик.

— О, тебе было очень хорошо! Ты кайфовала! — заверил

он меня с широкой улыбкой. Белые ровные зубы, довольное выражение лица.

— Лёха мне, зараза, не рассказывал никогда, что ты так охуенно сосёшь, — продолжал он делиться со мной подробностями прошлой ночи, которые я совершенно не помнила. В голосе неприкрытое восхищение, почти детская радость от открытия чего-то нового.

— Сволочь! Из-за тебя... — мне было так обидно, что перехватило дыхание. Ком встал в горле, защипало в носу. Я сглотнула, пытаюсь справиться с подступающими слезами.

— Да не надо мне вот этих тупых обвинений! — перебил он резко. Голос стал жёстким, металлическим. — Это не из-за меня вообще! Он бы тебя всё равно уже скоро выставил, рано или поздно. А так я просто форсировал процесс немного — с пользой для себя, — невозмутимо, абсолютно спокойно возразил Вадим. Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди — поза уверенного человека, который знает, что прав.

— Где мой телефон? — настойчиво потребовала я. Голос дрогнул, но я постаралась говорить твёрдо.

— Да иди в спальне в тумбочке, — махнул он в сторону той комнаты. Небрежный жест рукой.

Я тут же встала — быстро, резко. И поняла сразу, что значит, когда вытрахали, что ходить больно. Мышцы внутри воспалённые, каждое движение отдаётся неприятным тянущим ощущением. Я поморщилась, перенесла вес на одну

ногу.

Он, видимо, увидел изменившееся выражение моего лица:

— Слушай, ну ты сама виновата — ты так долго меня динимила, что пардон, переборщил, — сказал он тоном почти невинным — как будто речь шла о чём-то бытовом. Ну молока чуть больше в кофе налил! Или сахара переложил в чай. Мелкая бытовая неточность, не более.

Обиднее всего было то, что, скорее всего, он прав. Именно поэтому Лёшу не интересовали мои объяснения. Они ему не нужны. Он даже, наверное, рад, что так получилось! Освободился от обязательств, от необходимости самому разрывать отношения.

— Иди садись на диван в гостиной, я туда всё принесу, — предложил он мне. Надо же. Он принесёт! Это просто нерепальная нагрузка для него — принести еду из кухни в гостиную. Я почти усмехнулась этой мысли, несмотря ни на что.

Но предложением сесть на диван я пренебречь не могла. Сидеть на высоком барном стуле на кухне было очень неудобно и даже почти больно — приходилось держать спину прямо, а любое движение отзывалось дискомфортом.

Мы одновременно зашли в гостиную — я с телефоном в руке, он с посудой, которую он даже поставил на довольно большой поднос. Деревянный, с бортиками и ручками. На подносе аккуратно расставлены тарелки — белый фарфор, на каждой разложена еда из контейнеров. Круассаны ещё

тёплые, от них поднимается лёгкий пар. Нарезанные фрукты — манго, ананас, клубника — яркими кусочками. Омлет с травами, от которого идёт аппетитный запах. Стаканы со свежавыжатым соком — оранжевая густая жидкость.

Эта картина была почти сюрреалистичной — Вадим с подносом в руках. Как официант в каком-то старомодном отеле. Или как заботливый муж, который подаёт жене завтрак в постель.

Почему-то действительно хотелось очень есть. Желудок сжался, напомнил о себе. Во рту появилась слюна от одного вида еды. Я одной рукой, закладывая что-то в рот — кусочек круассана, сладкий, рассыпчатый, тающий на языке — начала просматривать в телефоне объявления об аренде. Листала ленту одним пальцем — квартира за квартирой, цены, фотографии.

— Э, ты чё там смотришь? — Вадим как-то потихоньку на диване подвинулся ко мне — я не сразу заметила, увлечённая поиском. И вдруг поняла, что он гладит моё бедро. Тёплая ладонь легла на ткань домашних штанов, пальцы медленно поглаживают — вверх-вниз, размеренно, настойчиво.

Я в испуге повернулась к нему:

— Не трогай меня. — Голос вышел глуше, чем хотелось. С хрипотцой.

— Ну не дёргайся, я просто глажу, а что ты, блять, смотришь? — он нагло засунул своё лицо прямо к экрану моего мобильного. Щека почти касается моей щеки, я чувствую

его дыхание — тёплое, пахнущее кофе.

Глава 5.

— Аренду, — продолжая рассматривать более-менее нормальные варианты — ответила я. Цифры мелькали перед глазами, я пыталась прикинуть бюджет.

— А чем тебе моя квартира не подходит? Оплата сексом вполне устроит, — посмеялся он. В голосе насмешка, но не злая. Скорее довольная, самоуверенная.

— Тобой, — резко ответила я. Не отрываясь от экрана, чтобы не видеть его реакцию.

— Э, да ты видно забыла, кто платит тебе зарплату, на которую ты вот тут собралась что-то снимать, — тут же переменял он тон на более агрессивный. Рука на моём бедре сжалась сильнее — не больно, но ощутимо. Голос стал жёстче, холоднее.

Я зависла. Пальцы замерли на экране. Действительно — именно на эти деньги я и рассчитывала. Других-то нет.

— Вадим... Ну мне сейчас нужны деньги... — начала я уже осторожно, стараясь подобрать правильные слова. Интонацию просящую, но не жалкую.

— Остаёшься у меня и остаются у тебя деньги, — улыбнулся он. Широкая, торжествующая улыбка. Он знает, что загнал меня в угол.

— Зачем? — тупо переспросила я. Не понимая, зачем ему это надо.

— Я ещё не натрахался, — грубо заявил он.

Мысли начали лихорадочно метаться в голове, как птицы, бьющиеся о стёкла клетки. То есть, как только я уйду — он перекроет мне кислород в плане денег? И что мне тогда делать?

Возвращаться в Кострому — нет, это не вариант.

Попросить Лёшу устроить меня на какую-то более нормальную и высокооплачиваемую должность? А ему же это не надо. Ему, скорее всего, надо поскорее от меня совсем избавиться. Вычеркнуть из своей жизни.

Да и говорить я сейчас с ним не могу. Совсем.

Найти самой работу? Но найти такую, чтобы еще оплачивать аренду будет не просто так с ходу.

- Буду тебя сам в офис возить, тем более тут вообще рядом, - сменив тон, пообещал он мне дополнительные плюшки комфорта.

- А через неделю тебе надоест, и ты скажешь — ищи квартиру, - выдала я такой наиболее реальный на мой взгляд вариант развития событий.

- Ну ... Через неделю — вряд ли ... - задумавшись на полминуты, ответил он.

- Ну через две! — показала я в воздухе неопределенный жест, показывающий насколько непостоянно его настроение.

- Короче, - ты никуда в ближайшее время не едешь, поняла? — совершенно уверенно заявил он мне.

- А то что? — уточнила я.

- Да ничего, просто не едешь и все, - пожал он плечами, а поглаживание моего бедра становилось все настойчивее.

По совершенно непонятной для меня причине это вызывало во мне совершенно отчетливые физиологические реакции. Как такое может быть? Я что – его хочу? Нет – это невозможно.

- Вадим, не трогай меня, - я попыталась отодвинуться, но было некуда – я как раз уже у края дивана сидела.

- А так хочется опять, - он положил голову мне на бедро.

- Ты что?! – я поверить не могла, что он серьезно. Как же он умудрился с Катей минетом ограничиться?

- У меня все болит, - пожаловалась я.

- Это ты просто не привыкла, у Лехи меньше, - спокойно он объяснил мне причины моего дискомфорта.

У меня было губы приоткрылись, чтобы сказать – «А ты откуда знаешь», а потом я вспомнила совершенно пошлую правду – они вместе трахали девушек.

И тут же пришла следующая мысль – и в этой квартире тоже?! Леша, очевидно, был здесь много раз.

- А вы здесь ... тоже? – смогла я задать такой не совсем четкий вопрос.

- С Лехой-то? Ну конечно, и в том джакузи тоже, и вообще везде, - самодовольно пояснил мне Вадим, что я сейчас сижу на диване, на котором мой Леша вместе с ним ... Многих.

Меня как будто окатили сначала холодной водой, а потом горячей. Ну да – последствия холодного душа это всегда

разогрев потом.

А почему я раньше об этом не думала? Просто не хотела – не хотела об этом думать.

- А ты правда с девочками не пробовала? – с интересом смотря на меня снизу вверх, потому что лежал на моем бедре, спросил Вадим.

- Правда, - ошарашенно ответила я.

- А хочешь? – продолжил он свои расспросы.

- Нет, - еле выговорила я. Он что – серьезно?

- Жаль, - он стал перебирать пальцами, двигаясь от бедра выше к груди, остановился около сосочка и нащупав его через майку чуть сжал. Иголочки побежали по телу взорвавшись между ног – это что вообще?

- Или чуть сильнее, - он другой рукой сжал другой сосок сильнее.

- Ай, - мои зрачки расширились от усиливающегося возбуждения.

- Здесь уже хорошо? – рука быстро переместилась между моих ног, хотя ему пришлось ее пропихнуть, ведь я сидела, подогнув ноги.

- Вадь, прекрати! – нет, нет он же не может сейчас, ну я не знаю – может всего полтора часа прошло максимум.

- Почему? – он поглаживал там, а дикое плохо контролируемое возбуждение расходилось по телу. Я не смогла сдержаться и застонала.

- Отлично, - он тут же забрал у меня телефон и откинул

его на пол – благо там был тоже ковер под диваном, - это снимаем, - он моментально стянул с меня футболку, - это тоже, - потянул резко штанишки вместе с трусиками, все это быстро оказалось на том же ковре.

- Встаем вот так, - он поставил меня задом к себе, облокотив о спинку дивана.

- Вадь, не надо, - я испугалась. С Лешей-то могло быть больно так, а у него больше еще ...

- Отлично выглядишь, - он быстро вставил мне два пальца в киску, а потом тут же облизал их, - как ты вкусно течешь.

- Мне больно, - запаниковала я.

- Да я же ничего еще не сделал, - усмехнулся он и взяв меня за бедра, стал входить. Медленно, наблюдая за мной, как я прогинаюсь, подстраиваясь под его размер.

Он начал медленно, давая мне освоиться в таком положении. Я не понимала, что происходит, но мне дико хотелось, чтобы он не останавливался. Такое сильное возбуждение требовали разрядки, я даже представить себе не могла, что я буду делать, если он прекратит.

А начала сама двигаться навстречу.

- Девочка моя, умница, давай, - подбадривал он меня, глядя по спине.

Все-таки размер имел значение и в какие-то моменты казалось, что искры из глаз, когда он резко упирался там внутри.

Потом он замедлился:

- Зайчонок, ты скоро?

Тут я поняла, что он ждет, пока я кончу ... А у меня все смешивалось в какой-то калейдоскоп, казалось, что вот-вот, но чего-то не хватало.

Тогда он подключил большой палец одной руки на моем клиторе, а другой вставил в попку:

- Ай-яй, не надо, - я испугалась, что опять туда – я это уже не выдержу.

- Расслабляйся, все хорошо, просто пальчик, - они оба активно разминали – один мой клитор, другой вход в попку.

Минута-две и я взорвалась, откровенно крича.

Я так никогда себя с Лешей не вела.

Мне всегда было приятно, хорошо, но ...

Я просто не понимала, что я делаю и чувствую – кошмарные чисто животные эмоции и реакции, но настолько сильные, что я не могла ни думать, ни даже пытаться что-то анализировать.

- Крутяк, умница, - он похлопал меня по попке. Пошло, какой ужас!

- Кушать хочешь? – почему-то почти сразу спросил он меня.

- Нет, - удивленно посмотрела я на него. Во-первых, мы только вот ели до этого. А во-вторых - после такого активного действия я просто не могла что-то жевать.

- А я хочу, - он тут же взял полную тарелку с кусочками мяса и начал есть.

- Давай, немножечко, - он протянул мне на вилке кусочек,
- тебе тоже надо подкрепиться.

Я взяла один кусочек. Вкусно. В пряном соусе.

Просто с ума сойти – я голая и он голый. Едим мясо.

- Я в душ, - опомнилась я.

- Ты что так – каждый раз в душ будешь ходить? – опять улыбнулся он.

- Что значит – каждый раз? – нет, вот сейчас он точно шутит.

- А ты никогда не кончала по 10 раз за день? – он развалился на диване, лежа боком с тарелкой, которую он поставил прямо на подушки.

- Ты сейчас все испачкаешь, - возмутилась я. Смотреть на это было невозможно.

- Ну у меня клининг хороший приходит, - спокойно сказал он, пожав слегка плечами.

- Ну все равно, - возразила я.

- Ну иди в свой душ, тебе кофе сделать? – спросил он меня, поднимаясь с дивана и натягивая штаны.

Мне показалось, что у меня слуховая галлюцинация – он меня спросил сделать ли мне кофе? Обычно всегда кофе делала ему я. В офисе.

Но ответила:

- Да.

- Как обычно? – спокойно уточнил он.

- Да, - точно слуховые галлюцинации. Ну ладно. Я шла в

душ!

Боже, вода странного лилового и зеленого цвета все еще была в джакузи! Ее так никто и не спустил. Но с другой стороны - а кто бы ее спустил, если я уходила оттуда последней, так сказать.

Я долго искала, как это сделать, не залезая в воду, но нашла. Как я правильно догадалась – такая опция была предусмотрена.

Вода была уже холодной. А душ как раз был в другой ванной комнате. И я вот в таком обнаженном виде пошла в другую ванную комнату. Какой-то сплошной разврат.

Я пришла на кухню и не поверила своим глазам – мой капучино стоял на каунтере и от него шел приятный пар.

- Ну капучино же, да? – переспросил он.

- Да, спасибо, - искренне удивилась я.

Глава 6.

Солнечный свет пробивался сквозь панорамные окна, высвечивая золотистую корочку багета на тарелке. Я провела пальцами по его поверхности — теплая, чуть шершавая, хрустящая. Мякоть внутри должна быть воздушной, почти облачной. Именно в таком состоянии багет идеально впитывает масло, становясь чем-то невероятно простым и одновременно совершенным.

— Хочешь с маслом? — голос мой прозвучал тише, чем я планировала. Словно я предлагала что-то интимное, а не просто завтрак.

— Да, хочу, — Вадим отозвался мгновенно, даже не отрывая взгляд от телефона.

Я взяла нож — тяжелый, с широким лезвием — и попыталась отрезать аккуратный ломтик. Лезвие скользило по корке, проминая мякоть, но не прорезая ее. Я прикусила нижнюю губу, надавливая сильнее.

— Э-э, так не пойдет, — его голос прозвучал совсем рядом. Я не заметила, как он подошел.

Вадим забрал из моих рук и багет, и нож — его пальцы на секунду накрыли мои, теплые и уверенные. Резким движением он разделил багет на три части — треск корки был отчетливым, почти звонким. Потом разрезал каждую вдоль.

— Вот такие кусочки подходят, — он держал перед моим

носом половинку, от которой исходил аромат свежей выпечки, — что эти кусищи можно мазать маслом.

— А то как ты пыталась извратиться — невкусно, — в его голосе звучала насмешка, но какая-то домашняя, почти ласковая.

Я моргнула, разглядывая эти щедрые ломти. Логика была железная, но я никогда так не делала. Никогда не позволяла себе таких... размахов.

Масло легло на теплую мякоть плотным глянцевым слоем, начиная таять по краям. Я откусила — хруст корки, потом мягкость пропитанного маслом мякиша, сливочный вкус растекался во рту. Боже, это правда было вкусно. Неприлично вкусно для такой простоты.

Я жевала медленно, прикрывая глаза, ощущая, как тепло разливается по телу. До вечера я точно ничего не захочу. Желудок уже подавал сигналы сытости, но я продолжала есть, потому что не могла остановиться.

— Суббота, что мы будем делать? — Вадим откинулся на спинку стула, разглядывая меня с любопытством.

Мы...

Это слово зацепилось в сознании, как заноза. Какое странное, непривычное «мы». Еще вчера это слово относилось к Леше. А теперь...

— Я не знаю, — я пожала плечами.

— Боулинг? Клуб? Шоппинг? — он перечислял варианты, отсчитывая на пальцах, и в его голосе звучал азарт человека,

привыкшего заполнять каждую минуту развлечениями.

— Вадь, мне правда надо поискать квартиру, — я попыталась вернуть разговор в более практичное русло, хотя сама не понимала, откуда беру силы на это.

— Да я же тебе блять уже сказал, что ты ничего не ищешь и никуда не едешь, — его лицо изменилось мгновенно. Расслабленность исчезла, уступив место жесткости. Скулы обозначились резче, глаза прищурились.

— Вадь, я не хочу... я не хочу так, — слова выходили вязкие, неоформленные. Как именно я не хочу — сама не понимала. Быть в долгу? Зависеть? Чувствовать себя...

— Я тебя не спрашиваю. Я просто ставлю тебя в известность, — он выдал эту фразу ровным тоном, от которого по спине побежали мурашки.

Телефон на столе завибрировал, экран высветился.

— О, Гошич звонит, — Вадим тут же провел пальцем по экрану, принимая вызов.

Я слышала только одну сторону разговора, но этого было достаточно.

— А Надя теперь живет у меня, — он произнес это где-то в середине диалога, небрежно, как сообщают о покупке новой машины или смене телефонного оператора.

Я замерла с недоеденным куском багета в руке. Масло оставляло жирные следы на пальцах.

— Ну вот так вот. Леха плотно присел на дочку магната, карьеру делает, — Вадим объяснял ситуацию, и в его инто-

нациях не было ни капли сочувствия ко мне. Просто констатация факта.

Звуки вокруг стали словно ватными. Голос Вадима доносился издалека, хотя он сидел в метре от меня. Я смотрела на свою руку с багетом и не понимала, моя ли это рука. Все происходило не со мной. Это было чье-то кино, чей-то сериал, чья-то история.

Я наблюдала, как двигаются его губы, как он жестикулирует свободной рукой, как запрокидывает голову, смеясь над какой-то шуткой Гоши. И внутри медленно, по капле, накапливалось понимание.

Меня передали. С рук на руки. По цепочке. Один попользовался — передал другому.

Этот багет вдруг стал невкусным, масло — приторным. Я положила остаток на тарелку и вытерла пальцы салфеткой.

Нет. Все. Стоп. Леша не такой. Просто...

Просто у него карьера, Юля...

Вот так вот. А я теперь мешаю.

Слово «мешаю» отозвалось болью где-то в солнечном сплетении. Острой, пульсирующей. Я сглотнула, чувствуя, как горло сжимается.

Через три часа Леша привез мои вещи.

— Леха приехал, вещи привез, — он сообщил это, не отрываясь от экрана телефона. — Говорю, поднимайся, он ломается.

Внутри все скрутилось в тугий узел. Веревки, канаты, проволока — все одновременно сжалось, перекрутилось, затянулось. Я хотела увидеть Лешу так сильно, что это желание отдавалось физической болью в груди. И одновременно боялась. Боялась его глаз, его слов, его... равнодушия.

А может, я просто не хотела услышать то, что уже знала, но отказывалась себе признать?

— Короче я пойду заберу, он на парковке, ты пока отдыхай, — Вадим направился к двери, и в слове «отдыхай» прозвучал намек, от которого я непроизвольно сжалась.

Я съежилась на диване, подтянув колени к груди. И одновременно — предательское тепло начало разливаться внизу живота. Медленно, настойчиво, стыдно.

Я даже не думала, что со мной может быть такое.

++++
++++
++++

Разговор Леши и Вадима на парковке дома Вадима.

Алексей стоял возле своей красной Тойоты, опершись бедром о капот. Два огромных чемодана — черные, на колесах — стояли рядом. Плечи его были напряжены, спина прямая, но в позе читалась скованность человека, который не знает, как держаться.

— О, только два, — Вадя приблизился своей характерной походкой — неспешной, вальяжной, слегка раскачивающейся. Руки в карманах джинсов.

— Вот зачем ты ее в ресторан привел? — Леха повернул голову, и в его взгляде смешалось столько всего — расстройство, вина, обида. Глаза покраснели по краям, будто он не спал.

— Да ты не гони, я тебе все отлично организовал, ты мне еще спасибо должен сказать, — лицо Вадима мгновенно стало жестче. Улыбка исчезла, брови сошлись к переносице.

Пауза повисла между ними, тяжелая, как эти чемоданы.

— Спасибо, — Леха выдавил из себя, глядя в сторону.

— А ты че молчал, что она так охрененно сосет, — Вадик решил сменить тон, попытаться завести дружескую беседу, ухмыльнувшись.

— Что?! — Леха развернулся к нему всем телом, руки сжались. В голосе прозвучала неприкрытая злость.

— Что-то ты не в настроении вижу, — Вадик усмехнулся шире, явно наслаждаясь реакцией. Сложно сказать, были ли они настоящими друзьями. Особенно после того случая на даче с Надей, который оба предпочитали не вспоминать.

Алексей замолчал, стараясь взять себя в руки. Выдохнул через нос, провел ладонью по волосам. Потом его лицо изменилось — стало осторожным, почти уязвимым.

— Давно это у вас? — голос прозвучал тише, в нем появились нотки чего-то, похожего на боль.

— Что давно? — Вадя немного не понял расплывчатого, по его мнению, вопроса. Прищурился, разглядывая приятеля.

— Спите давно? — Леша спросил более жестко, конкретно, сделав шаг вперед.

— А-а! — протянул Вадик, и улыбка вернулась на его лицо, — да вот как с ресторана приехали, так и начали.

Руки Леша дернулись. Как же хотелось ему ударить — стереть эту наглую ухмылку с его загорелого лица. Кулаки произвольно сжались, костяшки побелели. Но он удержался. С усилием, которое отозвалось напряжением во всем теле.

— Все в порядке? — он почувствовал, как смесь вины и беспокойства за Надю раздирает его изнутри, словно когти скребут по ребрам.

— Отлично все, — Вадя продолжал улыбаться, засунув руки глубже в карманы.

— Не обижай ее, — Леха произнес это быстро, почти выпалил, одновременно наклоняясь к чемоданам, чтобы передать их.

— Ну это смотря что ты подразумеваешь под этим словом, — Вадя не унимался, принимая багаж.

— Надя — не как все! — голос Леша взлетел вверх, он почти кричал.

— О, это я уже понял, — Вадим подчеркнул последнее слово, и в его тоне появилась неожиданная серьезность.

— Не смей с ней обращаться как... — Леша осекся. Он чуть было не сказал «шлюхой», но это слово физически не могло вырваться наружу, когда речь шла о Наде. Язык будто

отказывался его произносить.

— Девочка, которая так готовит, по определению ею не является, — Вадик ответил довольно серьезно, без усмешки. Его взгляд на секунду стал почти задумчивым.

Леша посмотрел на него удивленно — брови поползли вверх, губы приоткрылись. Но это его успокоило. По каким бы параметрам этот мажор не судил, почему он должен относиться к Наде по-другому — неважно. Главное, что он так считает.

На душе у Леша было мерзко. Отвратительно. Особенно когда в голове всплывали воспоминания о том, как обычно Вадик обращается с девушками. Грубо, потребительски, без всяких церемоний. Но... Леша просто решил об этом не думать. Закрыл эту дверь в голове, повернул ключ.

По крайней мере Надя при жилье. Не одна. В безопасности. И в общем... все не так уж плохо.

Глава 7.

А от Юли он сейчас отказаться никак не мог. Все только начиналось. И перспективы были --- если говорить честно --- почти безграничными.

Вячеслав Юрьевич, человек крайне деловой и влиятельный, более чем оценил перспективного молодого человека. Да, за Лешей не стояло связей... Но именно поэтому его можно было слепить под себя. Мальчик со связями от папочки --- это риск. Непонятно, как он себя поведет, что выкинет в будущем, какие амбиции проявит.

А здесь все идеально. Воспитанный, образованный, умный. В меру амбициозный и достаточно гибкий, чтобы не выпендриваться на каждом шагу и не изменять его дочери с каждой подвернувшейся шлюхой.

Вячеслав Юрьевич умел читать людей. И Лешу он прочитал правильно.

++++
++++
+++

Надя.

Вадим вернулся через пятнадцать минут --- я услышала, как хлопнула входная дверь. Глухой звук эхом отдался в пустоте квартиры. Потом --- шорох, скрежет колесиков чемоданов по паркету. Монотонный, тупой ритм, который вре-

зался в голову и не отпускал.

Я смотрела на эти чемоданы, когда он вкатил их в гостиную. Взгляд уперся и застыл. Черные. Большие. Жесткий пластик поблескивал.

Это чемоданы Леша. Не мои. У меня таких никогда не было.

--- Это чемоданы Леша, их надо вернуть, --- я промямлила, голос прозвучал чужим, отстраненным. Взгляд не отрывался от багажа, словно если перестану смотреть --- все станет реальностью окончательно.

--- Чего? --- Вадик удивленно поднял брови, продолжая катить чемоданы глубже в комнату.

--- Ну это чемоданы Леша, мне надо вытащить вещи и отдать их, --- я повторила чуть внятнее. Язык прилип к нёбу. Я облизнула губы --- они были шершавыми, потрескавшимися.

--- Он уже уехал, принцесса, забудь, --- Вадим махнул рукой небрежно. Движение отрывистое, как будто отмахивался от назойливой мухи, которую даже не видит.

--- Уехал? --- я продолжала смотреть на чемоданы.

Они стояли посреди светлой гостиной как две черные кляксы на белом листе. Как окончательная точка в наших с Лешей отношениях. Еще вчера я даже не думала, что все может закончиться. Тем более так.

Губы задрожали. Сначала верхняя, потом нижняя. Мелкая дрожь --- как при ознобе, когда не можешь согреться. Я чувствовала каждую вибрацию. Глаза защипало --- острая

боль, словно кто-то насыпал песка под веки. Горячие слезы подступили к ресницам, размывая контуры чемоданов в черные расплывчатые пятна.

Вадим, заметив, подошел сзади. Я услышала его шаги по паркету --- легкие, уверенные. Он обнял меня --- руки обхватили талию, крепко, собственнически. Подбородок оперся о макушку, я почувствовала его вес.

--- Малыш, ну ты что, я же лучше, --- он произнес это совершенно искренне. В голосе звучала детская уверенность в собственной правоте, наивная и непоколебимая.

Я разрыдалась еще сильнее. Всхлипывающие звуки вырывались из горла помимо воли --- рваные, некрасивые. Грудь сжималась, дыхание сбивалось. Я поняла, что просто поплыла по течению. Переселилась из одной квартиры в другую, как вещь. Как эти чемоданы, которые перевозят с места на место.

Правда, улучшенной комфортности.

Наверное, кто-то посчитал бы, что мне повезло.

Но это было так пошло. Так кошмарно низко. Липкое ощущение в груди --- как будто проглотила что-то скользкое и оно застряло где-то между ребер.

Я почувствовала себя Ларисой из «Бесприданницы» --- той, которую начали перекупать, кто больше предложит. Товар. Лот на аукционе с ценником.

--- Хочешь в клуб, потанцуем? --- Вадим уже покусывал мочку моего уха. Зубы скользнули по коже, оставляя влаж-

ный след. Его дыхание горячо щекотало --- неровное, учащенное.

Мелкие иголки от этого действия разбегались по телу волнами. От шеи к плечам, вниз по спине. Кожа покрывалась мурашками. И мне становилось еще хуже --- я рыдаю из-за Лешы и одновременно возбуждаюсь от Вадима.

Да что же это такое!!!

--- Давай, --- я выдавила из себя согласие. Голос прозвучал хрипло, почти шепотом.

Если уж рвать с прошлой жизнью --- так полностью. Бесповоротно. Без права на возврат.

--- Давай тогда посмотрим, что ты оденешь --- да? --- он намекал на разбор чемоданов. Намек был очевидным.

Ну да. Что они --- стоять тут будут посреди гостиной?

Я хотела уехать. Снять квартиру. Вернуть себе контроль над жизнью.

Но все перемешалось в голове настолько --- мысли путались в клубок, который невозможно распутать, --- что я решила применить метод Скарлетт О'Хара --- «подумать об этом завтра».

Вадим сам присел на корточки перед чемоданами. Я услышала, как щелкнули замки --- звук получился громким, металлическим, окончательным. Крышки откинулись, обнажив мои вещи --- аккуратно сложенные Лешей.

Он начал перебирать одежду, доставая, разглядывая, откладывая. Ткань шуршала под его пальцами.

--- Так... так... слушай... нам надо на шоппинг, --- он вынес свой вердикт, окинув взглядом содержимое обоих чемоданов. Брови приподнялись, губы скривились в легкой гримасе.

--- Давай, --- я согласилась.

Наверное, зря. Я ставлю себя в положение, когда буду должна. Но у меня не было сил уйти. Совсем. Как будто из меня выкачали всю энергию, всю волю --- оставили пустую оболочку.

Однако шоппинг означал передышку. Отдых от секса. Между ног уже все ныло --- тянущая боль, которая не отпускала даже после первого раза. Хотя технически он был не первым --- просто первый я не помнила.

Мы обошли чуть ли не весь Европейский. Я вымоталась так, что ноги гудели --- ступни болели от ходьбы по твердому полу торгового центра. Но Вадик не хотел брать ни то, ни се.

--- Отстой, --- бросал он, едва взглянув на вещь. Даже не прикасался.

--- Пусть это сами носят, --- морщился он от другого предложения продавщицы. Нос сморщился, как от неприятного запаха.

--- На какой помойке они это нашли, --- комментировал он третий вариант. Я видела, как сотрудницы магазина обмениваются многозначительными взглядами за его спиной. Брови поднимаются, губы сжимаются в тонкую линию.

Мы, чтобы отдохнуть уже, поели грузинской кухни. Запах

специй и жареного мяса висел в воздухе кафе. Я проглатывала хачапури, почти не чувствуя вкуса --- просто заполняла пустоту в желудке. И опять пошли.

--- Я не могу больше, --- пожаловалась я. Голос прозвучал жалко, но мне было все равно. Хотя не думала, что я такой слабенький шоппер.

--- Мы еще сюда не зашли, --- не унимался он. Рука указала на следующий бутик.

Как ни странно, такая насыщенная «жизнь» отвлекала меня от мыслей о Леше. Голова гудела от усталости, от музыки в магазинах, от голосов продавщиц.

Когда мы добрались до квартиры, я плюхнулась на диван в гостиной. Тело обмякло, провалилось в мягкие подушки. А Вадя поставил многочисленные пакеты посередине гостиной --- они шуршали, переваливались набок.

--- Да... я что-то тоже, наверное, уже пас в клуб, --- сказал он. В голосе слышалась усталость.

Я смотрела на эти пакеты и не верила своим глазам. Логотипы дорогих брендов, плотная бумага, шелковые ленты на ручках. Мы такие дорогие вещи с Лешей никогда не покупали. Вадя же даже на цену не смотрел --- только иногда морщился на кассе от общей суммы. Губы кривились, веки слегка вздрагивали. А я просто не смотрела, что там высвечивалось для оплаты.

Мне было страшно смотреть. Как в том пошлом анекдоте «Ну вгоняй меня в долги, вгоняй!».

Сейчас это уже казалось не важным. Я уже переступила эту черту. Я уже с ним переспала. И мне почему-то хотелось повторить. Это было ужасно --- осознавать это, но мысль о том, что надо переехать, я запихивала подальше, потому что...

Как он сказал? «Я не натрахался». Как быстро, оказывается, можно научиться плохому.

Еда, которую принесли утром, еще оставалась в холодильнике. Но я и так была сытой. Однако Вадим опять перекусил. Да там еще и на завтра было!

Он включил телевизор и позвал в гостиную на диван. Голубоватое свечение экрана осветило комнату. Я уже все убрала и делать было нечего. Я пришла и села.

Он положил меня к себе головой на колени. Я почувствовала тепло его тела через ткань штанов, услышала ровное дыхание над собой.

Через примерно одну серию какого-то сериала --- голоса актеров сливались в фоновый шум --- прозвучало довольно грубое предложение:

--- Отсоси мне.

Приехали... Зачем я согласилась остаться? Зачем разрешила это все покупать? Холод пополз по спине.

--- Что? --- я не двигалась, пытаюсь осознать глубину своего унижения. Сердце застучало быстрее.

--- Ну давай, принцесса, а я потом полижу и вставлю, --- пообещал он. Голос прозвучал обыденно, как будто предла-

гал посмотреть еще одну серию. Я даже не знаю --- может, в его системе ценностей это выглядело как супер-привлекательное предложение.

Я подняла голову с его колен, села на диване и поджала ноги. Молча. Ничего не говоря. Дыхание сбилось.

--- Ты типа обиделась? --- повернулся он ко мне. Рука закинулась на спинку дивана позади меня. Брови сдвинулись, в глазах читалось непонимание.

Я тихо встала с дивана и пошла в комнату, чтобы собрать вещи. Ноги двигались автоматически. Я, видимо, чтобы как-то перебить шок от расставания с Лешей, совсем забылась --- с кем я вообще нахожусь.

Вадик так же быстро пошел за мной. Я слышала его шаги --- быстрые, настойчивые. Я начала машинально складывать вещи, которые частично уже успела вытащить из чемодана. Руки дрожали, ткань выскальзывала из пальцев.

--- Ты че делаешь? --- с реальным удивлением спросил он. Голос повысился.

--- Вещи... собираю, --- тихо ответила я. Дура-дурочка какая же я.

--- Да щас, --- он резко подошел и выхватил у меня джинсы, которые я пыталась сложить. Рывок был сильным, ткань обожгла ладонь. Он грубо бросил их на ковер --- они упали с глухим шлепком.

Этот чемодан стоял в другой спальне, потому что в его спальне логично не было места ни в шкафу, ни в тумбочках.

--- А ну-ка пошли, буду учить тебя хорошим манерам, --- он обхватил меня за талию. Пальцы впились в кожу. Он поднял меня --- земля исчезла из-под ног --- и потащил в свою спальню. Я слышала его тяжелое дыхание у самого уха. Бросил на кровать на живот --- я отскочила от матраса и тут же провалилась обратно. Он лег сверху --- тяжелый, придавливающий.

--- Отшлепать тебя что ли? --- поинтересовался он. В голосе звучало любопытство.

--- Не трогай меня, --- на какое-то серьезное сопротивление у меня не было сил --- ни физических, ни психических. В основном последнее --- я просто была опустошена, как будто из меня выгребли буквально все и ничего не осталось. Пустота внутри звенела.

--- А тебя Леха шлепал, а? --- продолжал он интересоваться. Дыхание участилось.

--- Нет, --- просто ответила я на поставленный вопрос.

--- И зря, между прочим, --- заключил он. Я почувствовала, как он кивнул.

Потом он скатился с меня и лег сам на спину. Матрас качнулся под его весом. Но при этом потянул меня за руку --- пальцы сжались вокруг запястья.

--- Ну иди ко мне, сядь сверху, --- предложил он. Голос потеплел.

Я почему-то поддалась и села сверху. Он плотно обхватил мои бедра --- ладони горячие, сильные --- сжал их и стал

чуть-чуть двигать туда-сюда. Ритмично, настойчиво.

И от этого совсем нехитрого действия у меня опять потеплело между ног. Тепло разливалось волнами, пульсировало. Я не знала, что так бывает. Может, я просто шлюха, но не знала об этом, потому что Леша обращался со мной очень деликатно?

--- Наклонись, --- мягко попросил он. Я наклонилась, и он тут же завладел моими губами. Поцелуй был жадным, глубоким. Я почувствовала вкус его слюны, запах его кожи. Руками он продолжал двигать меня на своем пока еще не оголенном, но явно стоящем члене. Я чувствовала твердость сквозь ткань.

--- Снимай и поворачивайся, --- чуть с хрипотцой предложил он, стягивая с меня штаны с трусиками. Ткань скользнула по ногам, оставляя прохладу на коже.

Я замешкалась. Как-то... пошло...

--- Да давай уже, --- он буквально закинул меня на себя. Мир перевернулся. Моя киска оказалась поверх его лица, я почувствовала его горячее дыхание на самом интимном месте. Он тут же высвободил свой член из штанов.

Я в ответ на его действия с моими губками и клитором --- язык скользил, губы посасывали, посылая разряды удовольствия вверх по позвоночнику --- наклонилась и начала ласкать его инструмент. Он был горячим, твердым, пульсировал под языком.

Он так активно это делал, что я периодически замирала от

переизбытка ощущений. Волны накатывали одна за другой, не давая передышки.

Глава 8.

— Не, никак? — уточнил он минут через десять.

Голос прозвучал приглушенно, словно доносился издалека, вибрировал на распаренной коже, отзывался где-то в солнечном сплетении. Это относилось к моему оргазму? К тому, что я так и не смогла?

— Слезай тогда, — он потихоньку снял меня с себя и перевернул на живот.

Простыня встретила меня прохладой — резкий контраст с разгоряченной, почти горячей кожей. Ткань приятно холодила щеку, живот, бедра. Пальцы машинально скользнули по гладкой поверхности, ощущая высокую плотность переплетения нитей. Мне хотелось, чтобы он сделал что-то, что угодно, но только делал. Внутри все сжималось мелкими судорогами, пульсировало, требуя разрядки. Мышцы живота непроизвольно напрягались и расслаблялись, как будто тело само пыталось достичь того, что ускользало от сознания.

— Давай сейчас будем не на полную, — он начал входить в меня в таком положении, одной рукой придерживая за бедро.

Я почувствовала, как он проникает — медленно, с какой-то почти исследовательской осторожностью — и это действительно не позволяло войти полностью. Угол был неудобный, мышцы невольно сжимались, сопротивлялись. Я

слышала его дыхание над собой — тяжелое, неровное, с при-
дыханием на выдохе.

В какой-то момент он сильно шлепнул меня по ягодице.

Звук хлопка разнесся по комнате — звонкий, резкий, как
выстрел. Секунду спустя кожу обожгло жжением — горя-
чим, разливающимся пятном. Нервные окончания вспых-
нули одновременно, послав в мозг сигнал, балансирующий
между болью и чем-то другим. Я вздрогнула всем телом,
пальцы рефлекторно схватились за простыню:

— Ай!

— Ну давай, а то я уже кончить хочу, — совершенно от-
крыто, без обиняков заявил он.

Его дыхание сбилось окончательно — я слышала, как воз-
дух со свистом проходит через стиснутые зубы. Движения
стали быстрее, резче, настойчивее. Матрас под нами мерно
скрипел в такт.

Мне опять стало обидно от такого обращения. Ком подка-
тил к горлу — тугой, болезненный, мешающий дышать. Вид-
но что-то почувствовав или просто поняв по тому, как на-
пряглось мое тело, он наклонился и стал целовать мою шею.

Губы горячие, влажные. Он просунул под меня руку, что-
бы массировать клитор. Пальцы двигались кругами, надав-
ливали с разной силой — то сильнее, то почти невесомо, пы-
таясь нащупать нужный ритм. Подушечки были слегка шер-
шавыми, создавали трение.

— Расслабься, малыш, просто ни о чем не думай, — уже

довольно интимно и нежно шептал он мне на ухо, губами почти касаясь мочки.

Голос потеплел, стал вкрадчивым, обволакивающим. Я чувствовала, как его грудь прижимается к моей спине, как бьется его сердце — частая дробь, отдающаяся в моих ребрах.

Но его беспардонное «ну давай» сбilo меня совершенно, выбило из колеи, и уже ничего не получалось.

Хотя между ног было сильное возбуждение — пульсация не прекращалась, распространялась волнами вверх по животу, — но тот самый момент куда-то ускользал, как песок сквозь пальцы. Чем больше я пыталась сосредоточиться, тем дальше он отодвигался. В голове крутились мысли, мешающие отпустить контроль.

— Ну извини, — он кончил мне на ягодицы, тяжело выдохнув.

Я почувствовала несколько горячих капель на коже — они обжигали, потом начинали остывать, стекать. Запах секса в комнате стал резче, отчетливее.

— Я уже дольше не мог, — добавил он, откатываясь в сторону. Матрас качнулся под смещением веса.

— Ничего страшного, — ответила я, слыша собственный голос как будто со стороны — тихий, приглушенный.

Несмотря на то, что Леша всегда старался, чтобы я достигла оргазма, я не считала это таким уж необходимым и обязательным в каждом конкретном случае для женщины. Мне

кажется, совсем не все всегда кончают. Хотя где-то глубоко внутри оставалось разочарование — тупое, ноющее.

— Малыш, ну я старался, — чуть даже надув свои чувственные губы, сказал он, приподнявшись на локте.

В голосе звучала обида — я слышала её в интонации, в том, как он растянул слово "старался". Брови слегка сдвинулись, в уголках губ появились маленькие складки.

— Все нормально, — повторила я, поворачивая голову в его сторону.

В конце концов, я уже... а... сколько раз сегодня кончила? Три? Четыре? Я даже забыла сосчитать. Тело было приятно расслабленным, мышцы тяжелыми.

— Хочешь кальян? — предложил он, и голос опять стал обычным, легким, без той обиженной нотки.

— А что там? — насторожилась я, приподнимаясь на локтях.

— А что ты хочешь? — заинтересованно переспросил он, и я увидела, как в его глазах мелькнуло любопытство.

— Я траву не курю, — тут же отреагировала я, и слова вылетели резче, чем я планировала.

— Ну тогда есть просто табак, — спокойно пояснил он, пожав плечами. — Кальян только на кухне, ну в столовой типа, а то я ковер уже прожег, — добавил Вадик и, натянув домашние штаны, пошел на кухню.

Я услышала, как хлопнула дверь, его удаляющиеся шаги по паркету — мерные, тяжелые, потом звуки на кухне — что-

то металлическое переставлялось со звоном, булькала вода, что-то шуршало.

Телефон на тумбочке завибрировал, экран засветился в полутьме комнаты. Эсмэска от Леши: «Надюш, все в порядке?»

У меня снова навернулись слезы — горячие, жгучие, мгновенно размывшие все контуры.

Глаза защипало так сильно, что пришлось зажмуриться. Картинка на экране телефона поплыла, расфокусировалась. Я провела ладонью по лицу, ощущая влагу на щеках.

А что это называется «в порядке»? Он сбаврил меня приятно и спрашивает о чем? Нравится ли мне, как он меня...

Горло сдавило спазмом. Пальцы задрожали, когда я взяла телефон. Холодное стекло экрана неприятно жгло разгоряченную ладонь.

Но я зачем-то ответила короткое «Да».

Пальцы сами набрали две буквы — быстро, автоматически — и нажали "отправить". Немедленно я пожалела об этом, но было уже поздно. Сообщение ушло, галочка стала синей.

«Ты в понедельник будешь на Мосфильме?» — пришел следующий вопрос через несколько секунд.

Он что, интересно, один дома? А Юля? А зачем он меня тогда... выселил... если он один...

Сердце с надеждой забилося сильнее — быстро, болезненно, отдаваясь в горле. Стук отдавался в висках, пульсировал

в кончиках пальцев. Я почувствовала, как краснеют щеки, как нагреваются уши. И я опять ответила: «Да».

Он же прислал неопределенное «Хорошо». Одно слово, без точки, без эмодзи. Ничего.

А он? Он сам будет? А что тогда он мне скажет? Как будет себя вести? Вопросы роились в голове, не давали покоя.

Когда я дошла до кухни, у Вади уже все было готово.

Комнату наполнял сладковатый аромат фруктового табака — персик или, может, яблоко с корицей. Он откуда-то притащил огромный мягкий пуф темно-синего цвета, обитый бархатом, в котором можно было утонуть. Кальян булькал мерно, умиротворяюще, угли на чаше тихо потрескивали.

— Ты на кушетку или на пуф? — предложил он мне выбор, кивая головой то в одну сторону, то в другую.

— На пуф, — решила я, опускаясь в мягкую глубину. Бархат был приятным под ладонями, слегка шелковистым. Тепло сразу расслабилось, погрузившись в податливый наполнитель.

— Мне в понедельник надо на Мосфильм, — решила я на всякий случай предупредить его, стараясь говорить как можно более буднично.

— Ну хорошо, — пожал он плечами, затягиваясь. Дым вышел медленно, образуя причудливые завитки в воздухе. — Ну если не будет там каких-то встреч, — добавил он, прищурившись.

Я не стала сейчас это обсуждать, просто надеюсь, что не будет. Кивнула молча.

Следующие два часа мы провели в полумолчании, изредка перебрасываясь фразами.

Вадик рассказывал что-то про общих знакомых, из их тусовки. Я слушала вполуха, наблюдая, как дым поднимается к потолку, как свет от торшера создает мягкие тени на стенах. Время тянулось густо, вязко, как мед. Веки становились все тяжелее.

— Пойдем спать? — наконец предложил Вадик, посмотрев на часы на стене. Стрелки показывали без десяти два.

Я сама не решалась спросить, потому что... не понимала, где я буду спать. В голове крутились варианты, но озвучить их было неловко.

— Да, глаза слипаются, — призналась я, потирая лицо ладонями. Кожа была горячей, слегка одурманенной от табачного дыма.

— Пойдешь со мной? — спросил он как-то осторожно, не глядя на меня, взясь с кальяном.

— А я же могу спать в другой спальне, да? — уточнила я быстро, почти перебивая его.

— А со мной не хочешь? — насупился Вадик, и брови его сошлись на переносице. В голосе появилась обида.

— Ну... я просто подумала, что так будет удобнее, — неуверенно высказалась я, опуская взгляд.

Вообще я не могла себе представить, как я лягу с ним в од-

ну постель. Это казалось слишком... интимным. Станным. Я пока спала только с Лешей, и даже мысль о ком-то другом рядом вызывала дискомфорт.

— Ну ладно, — пожал он плечами, поднимаясь. — Я обычно сплю один, — немного ошарашил меня он этой фразой.

Ну то есть это, наверное, логично — у него же нет постоянной девушки. Но почему-то это прозвучало почти как признание в одиночестве.

— Постель в шкафу, ну найдешь там, — сонно сказал он и направился в свою спальню, где я провела прошлую ночь. Его силуэт растворился в темноте коридора.

Я открыла встроенный шкаф во второй спальне — внутри пахло свежим бельем со слабым ароматом кондиционера.

Постельное белье у него было очень хорошее — я провела по нему рукой, ощущая приятную прохладу. Даже не знаю, где он его покупал, но на ощупь настолько мягкое, шелковистое, и ткань явно натуральная — сатин высокой плотности, который охлаждал кожу. Это было даже приятно стелить такое белье — оно легко расправлялось, скользило по матрасу.

Но заснуть мне не удавалось, несмотря на то, что мне казалось еще недавно, что я вот-вот отключусь.

Я лежала в темноте, слушая тишину квартиры. Где-то далеко гудел холодильник. За окном изредка проезжали машины — шуршание шин по асфальту, потом снова тишина. Глаза привыкли к темноте, и я различала контуры мебели,

полоску света под дверью из коридора.

Начали одолевать неприятные мысли, одна за другой, как волны.

Что я вообще тут делаю? Зачем я согласилась остаться? Что будет дальше? Мысли наслаивались друг на друга, не давая покоя. Я переворачивалась с боку на бок, взбивала подушку, но сон не приходил.

Глава 9.

Но с другой стороны — куда я сейчас пойду и зачем? У меня вот тут получается целая отдельная спальня с отдельной ванной комнатой. Условия хорошие. Безопасно. Тепло.

Я лежала на боку, обняв подушку, все еще не заснув, как дверь тихо скрипнула, и в комнате появился Вадим.

Я увидела его силуэт в дверном проеме — высокий, в одних трусах. Вздрогнула невольно. Ну нет, не может же быть, что он опять хочет секса. Пульс участился, мышцы напряглись.

— Пошли, — тихо сказал он, и голос прозвучал странно в ночной тишине — хрипловато, сонно.

— Куда?

— Спать, со мной, я не могу заснуть, — пожаловался он, и в этих словах была какая-то детская незащищенность.

Я колебалась, сжимая простыню в пальцах... Но встала. Ноги коснулись прохладного паркета. Мы прошли по темному коридору в его комнату.

Его кровать была большой, теплой. Он прижался ко мне со спины, обнимая одной рукой за талию.

Я чувствовала его дыхание на своей шее — ровное, согревающее кожу. Тепло его тела окутывало со спины. Постепенно я начала расслабляться, несмотря на первоначальное напряжение.

— Надь... — его губы были где-то около моего уха, почти касались.

— Что?

— Прости за тогда... ну... на даче, — в голосе мне показалось, правда чувствовалось раскаяние. Слова прозвучали тихо, с паузами.

— Вы меня бросили в лесу почти без сознания, — напомнила я ему, и это воспоминание больно резануло внутри — острой, режущей болью под ребрами.

— Прости, хорошо, что Леха вернулся за тобой, — сказал он, чуть сильнее сжав меня в объятиях.

— Леша... это... это был не он, — мне почему-то захотелось признаться.

Зачем я это делаю? Слова вылетели сами, прежде чем я успела их обдумать. Внутри все похолодело от осознания того, что я сказала.

— Что? — он чуть отстранился и перевернул меня на спину, чтобы посмотреть в глаза.

Даже в темноте я видела, как изменилось его лицо. — Что ты имеешь в виду?

— Меня нашла полиция и скорая, — сказала я, глядя ему в глаза.

Зачем? Может, мне хотелось увидеть в его глазах страх? И он там промелькнул — быстро, как тень, расширив зрачки.

— В смысле? А кто их вызвал? Нас кто-то видел? — он смотрел на меня, мягко говоря, взволнованно. Его пальцы

сжались на моих плечах — сильно, почти больно.

— Не знаю... не думаю... это... знакомая Леша позвонила в полицию, — я продолжала наблюдать за его реакцией, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Какая знакомая? — стало понятно, что Вадим ничего не знает про Сашу.

Его лицо выражало полное недоумение. Иногда мне начинало казаться, что ее и правда не было. Но ведь она была. Точно была.

— Ты ее не знаешь? — спросила я его, наблюдая за каждым движением его лица.

— Нет... — задумчиво ответил Вадик, и глаза его заметно забегали. Причем он действительно задумался, явно сопоставляя что-то.

— А как так получилось? — Вадим смотрел на меня непонимающе, слегка наклонив голову.

— Я не знаю. Леша сказал, что... что у нее везде связи... знакомства... она позвонила какому-то знакомому оперативнику, — продолжала рассказывать я, хотя даже сомневалась, что это было именно так.

Слишком все было как-то... нереально что ли. Как в кино.

— То есть... в полиции есть отчет... об этом? — он смотрел на меня испуганно, но не только... и как-то еще.

Я испугалась выражения его лица — там было что-то хищное, настороженное. Какая я дура — зачем я призналась! Сердце забилось быстрее, в ушах зазвенело.

Теперь он скажет Гоше, а тот своему отцу... боже... что со мной будет?!

— Вадь, нет никакого отчета, я сказала, что не имею претензий и ничего писать не буду, — теперь я уже обеспокоенно смотрела на него, пытаюсь понять, поверил ли он.

— То есть Леха нас наебал? — спросил прямо Вадик, и челюсть его напряглась.

— Тогда так было лучше, чтобы вы не начали паниковать, — сказала я как можно спокойнее, хотя голос предательски дрогнул.

Он взял меня за шею — резко, неожиданно — и чуть сжал ее.

Пальцы надавили на артерии по бокам. Воздух резко перестал поступать нормально. В глазах потемнело. Паника взметнулась внутри острой волной.

— Не дай бог ты мне сейчас врешь и написала там...

— Что ты делаешь? — я заплакала, и слезы потекли сами, горячими струйками.

Мне было обидно и одновременно очень страшно. Кто тянул меня за язык! Тело задрожало мелкой дрожью.

Он убрал руку — так же резко, как схватил — и наоборот притянул меня к себе, прижал к груди. Я чувствовала, как бешено бьется его сердце.

— Малыш, прости, ты правда ничего не писала? — уточнил он, уже зарываясь носом мне в волосы, вдыхая.

— Ну если бы я писала, неужели бы вам не позвонили

хотя бы! — с отчаянием сказала я, всхлипывая.

Если он мне не верит, то что он может со мной сделать? Страх сжимал грудную клетку, не давал нормально дышать.

— А хер его знает... может, они позвонили отцу Гошича, и тот все прикрыл... но нет, блять... Гошич бы знал... — рассуждал Вадим вслух, явно пытаясь выстроить логическую цепочку.

— Сука... как ты меня сейчас вздрочила... — он отпустил меня и сел на кровати, проводя ладонями по лицу.

Матрас накренился под перемещением веса. Я слышала, как он тяжело дышит.

— Вадь...

— Что? — голос был резким, нервным.

— Вы мне ничего же не сделаете, правда? — я понимала, что сделала дичайшую глупость, но было поздно.

И сейчас мне было дико страшно. Руки тряслись, зубы стучали, хотя в комнате было тепло. Как права была тогда Саша, придумав тот план!

— Надь, успокойся, год уже прошел... как бы там ни было... это уже не важно, — он повернулся ко мне, и в голосе появилась усталость. — Но теперь я не могу уснуть, пошли, будешь рассказывать, — он встал с кровати и махнул мне, чтобы я следовала за ним.

Он опять пошел на кухню и опять начал забивать кальян. Движения были привычными, автоматическими. Я слышала, как он открывает банку с табаком, как шуршит фоль-

га, как чиркает зажигалка. Запах разгорающихся углей наполнил кухню.

Я подошла к нему вплотную, меня трясло — мелко, неконтролируемо.

Что я наделала! Колени подгибались, во рту пересохло. Я обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь.

— Вадя, не говори Гоше, пожалуйста, я боюсь, — попросила я, и голос прозвучал жалко, по-детски.

— Ты че дура? Конечно, я скажу, — оборвал меня Вадим, даже не оборачиваясь.

— Вадь, не надо, он со мной что-то сделает, — продолжала просить я, хватая его за руку.

Тут он повернулся ко мне и взял за плечи — обеими руками, крепко, заставив посмотреть ему в глаза:

— Вот будешь жить у меня, и никто с тобой ничего не сделает, поняла? — чуть улыбнулся он, и в этой улыбке было что-то самоуверенное, почти собственническое.

— И ездить будешь только со мной, — добавил он, отпуская мои плечи.

— Вадь, не говори, пожалуйста, — опять просила я, понимая всю бессмысленность.

— Поздно, Надюш, ты уже проболталась, — заверил он меня в том, что все плохо, пожимая плечами.

Он забил и поставил кальян на журнальный столик. Я села на тот же пуф, поджав под себя ноги. Чувствовала себя загнанной в угол.

Он долго и детально расспрашивал меня по кругу раз за разом, как на самом деле все было.

Каждый вопрос становился все более конкретным. Я даже не могла себе представить, что он настолько дотошный, въедливый. Я думала, он очень поверхностный и вообще ничего не замечает. А он запоминал каждую деталь, переспрашивал, сверял мои ответы между собой, ловил на противоречиях.

— Что же это за Саша такая... — оставался у него один вопрос, на который у меня не было ответа.

Он смотрел на меня внимательно, прищурившись, явно пытаясь понять, не вру ли я. Дым от кальяна клубился между нами, создавая почти мистическую атмосферу допроса.

Глава 10.

Стрелки на циферблате телефона показывали начало шестого утра, когда мы наконец пошли спать. За окном уже начинало сереть — тот особенный предрассветный час, когда ночь еще не ушла, но день уже дышит где-то за горизонтом. Вадим все-таки убедил меня остаться. Его голос звучал так уверенно, так спокойно, что я поверила — пока я с ним, мне ничего не угрожает. И Гоша тоже. И его отец.

Я понимала — где-то в глубине, там, куда не хотелось заглядывать — что по сути подставила и Лешу тоже. Но может, мне именно этого и хотелось? Поставить его в такое положение. Потому что он со мной так поступил. Променил. Просто взял и променял на другую жизнь, на другую девушку, на другое будущее.

Хотя — и это жгло особенно больно — его мотив я понимала. Такие возможности в жизни выпадают только раз. Только раз открывается дверь в совсем другой мир, и если не войти, она захлопнется навсегда.

— Малыш, спи и ничего не бойся, — Вадим обнял меня со спины, его рука легла на мою талию, пальцы слегка сжались, удерживая меня близко к себе. — Пока ты со мной...

Его дыхание коснулось моего затылка, теплое, размеренное, и мы оба буквально провалились в сон, как в глубокий колодец.

Утром я проснулась от того... что он уже во мне.

Сначала я не поняла, что происходит — сознание медленно выплывало из темноты, тело еще спало, но ощущения уже были реальными, острыми. Я лежала на спине, простыня смялась где-то у бедер, а он, пристроившись между моих раздвинутых ног, медленно, неторопливо двигался. Его пальцы находили мой бугорок, массировали его круговыми движениями, методично, как будто он делал это уже давно.

У нас с Лешей так никогда не было. Он всегда ждал. Всегда сначала смотрел мне в глаза, искал подтверждения, хотя бы намек на согласие, прежде чем позволить себе войти в меня. Он спрашивал взглядом: «Можно?» — даже когда слова не произносились.

— Ва... — я начала удивленно, голос прозвучал хрипло от сна.

И тут он резко вогнал до упора. Воздух выбило из легких.

— Доброе утро, — он улыбнулся, глядя на меня сверху вниз. В его глазах играли искорки света от пробивающегося сквозь жалюзи утреннего солнца.

— Ай...

— Просыпайся, принцесса, — его движения стали резкими, активными, напористыми. Кровать под нами скрипнула.

Я чувствовала, что мокрая — тело откликнулось раньше, чем разум успел проснуться, — но это было слишком неожиданно. Слишком быстро. Я еще не собрала себя, не успела

понять, где заканчивается сон и начинается реальность.

— Не, ну утром я тебя ждать не могу, — выдохнул он, его движения участились, стали неровными, и через мгновение он вышел, кончив мне на животик. Теплые капли легли на кожу, и я непроизвольно вздрогнула от контраста температур.

Он потянулся к тумбочке — мышцы на его спине перекатились под кожей — и достал оттуда... что-то. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть. Понимала, что это, видимо, какая-то секс-игрушка, но мы с Лешей ничего такого не использовали. Никогда.

Вадим быстро нажал на кнопку — раздался тихий жужжащий звук — и приставил эту штуку к моей самой чувствительной зоне. Я вздрогнула всем телом.

— В рекламе пишут, что лучше, чем бывший, — он рассмехался, и его смех прозвучал довольно, почти торжествующе.

— Вакуумный вибратор, — прокомментировал он, заметив мое недоумение и то, как я пытаюсь разглядеть эту штуку.

— Лежи и расслабляйся, — посоветовал он. Его голос звучал мягко, но в нем слышалась уверенность человека, который точно знает, что делает.

С таким мощным и точечным воздействием мне не пришлось долго лежать. Ощущения накатывали волнами — сначала легкие, щекочущие, потом все сильнее, все настойчи-

вее. Я вцепилась пальцами в простыню, чувствуя, как тело выгибается само собой. Результат был, так сказать, налицо.

— Ай... — я попыталась вывернуться, когда меня резко, очень сильно накрыло — волна удовольствия прокатилась от низа живота по всему телу, искрами разлетаясь до кончиков пальцев. Но он не дал мне этого сделать, продолжая держать вибратор на месте, усиливая пик ощущений до почти болезненной остроты.

— У меня много всяких штучек, — пояснил он, наконец убирая эту штуку и глядя на меня с явным удовольствием.

У нас с ним только вчера все началось, а я уже... столько всего нового попробовала. Столько того, о чем раньше даже не думала. Мир расширялся с пугающей скоростью.

— Принцесса, теперь уже завтрак на тебе, — объявил он, поднимаясь с кровати. — Хлебушек, наверное, уже принесли.

Ну, в плане завтрака я ничего не имела против — готовить мне нравилось, это успокаивало, давало ощущение контроля. А вот «хлебушек уже принесли» — это что вообще означает? Кто принес? Когда?

Оказалось, что у Вадима заказана доставка свежего хлеба каждый день. Каждое утро. Пекарня оставляет пакет рядом с дверью, чтобы его не беспокоить. Консьерж внизу уже в курсе и пропускает доставку без звонка.

— Как здорово, — я рассматривала действительно свежий багет — корочка еще потрескивала, источая дразнящий аро-

мат — и румяные булочки с некоторым восторгом. Серьезно, это же так удобно. Просто берешь и каждое утро у тебя свежий хлеб. Без усилий. Без очередей. Просто так.

Завтрак у нас опять получился обильным и разнообразным — я нарезала помидоры и огурцы, достала сыр и ветчину из холодильника, сварила яйца, поджарила бекон. Запах жареного заполнил кухню, смешиваясь с ароматом свежего кофе. Надо держать себя в руках, иначе я так быстро расплзусь в размерах — с такими-то завтраками.

— Мне надо поговорить с Лехой, прежде чем я позвоню Гошичу, — сообщил мне Вадим после завтрака, откидываясь на спинку стула и глядя на меня оценивающе.

Внутри все оборвалось. А все так хорошо начиналось сегодня утром — и эта близость, и завтрак, и ощущение какого-то покоя. Я уже имела глупую надежду, что он отложил эту идею. Забыл. Передумал.

Вернее, утро — это было очень неточное определение. Часы на стене показывали уже два часа дня. Солнце стояло высоко, за окном шумел город, гудели машины.

Как Леша воспримет это? Что я его предала? Что слила всю информацию Вадиму?

— Я пойду в машину, а ты пока побудь дома, — Вадим встал, потянулся, позвонки в спине хрустнули. — Хочешь — поразвлекайся с этим дельфинчиком.

Он улыбнулся той своей ухмылкой, которая одновременно заводила и смущала.

— С кем? — не поняла я, моргая.

— Это вибратор так называется, — засмеялся Вадим, направляясь к двери.

Как только дверь за ним закрылась — щелчок замка прозвучал как выстрел — я тут же бросилась к своему телефону. Руки дрожали, когда я набирала сообщение. Быстро, сбивчиво написала Леше: «Прости, я проболталась про тот день, на даче».

Отправить. Сообщение ушло. Одна галочка. Две. Не прочитано.

Он явно не увидел моего сообщения. Но звонить я не решалась — вдруг он с Юлей? Вдруг они вместе, и мой звонок все испортит? А может, он вообще заблокировал мой номер и больше не хочет ничего слышать?

Я сидела, уставившись в экран телефона, ожидая, что он прочитает. Сейчас. Вот прямо сейчас.

+++++

Разговор Леси и Вадима.

— Ну давай, рассказывай, Леха, как ты нас так удачно наебал, — сразу же перешел в наступление Вадим, усаживаясь в водительское кресло и звоня приятелю по видео связи. Хотелось видеть выражение его лица. Голос его звучал жестко, без намека на обычную дружескую легкость.

— В смысле? — Леша завис, в голове пронеслась мысль

проверить телефон, и он увидел непрочитанное смс от Нади: «Прости, я проболталась про тот день...»

И это был тот самый случай, когда буквально прошиб холодный пот. По спине пробежали мурашки, ладони мгновенно стали влажными. Он судорожно искал правильные слова, чтобы ответить, но они не шли. Совсем.

— Вадь... понимаешь... тогда так было лучше... — начал он неуверенно, слова спотыкались на языке.

— Кто такая Саша? — задал Вадим вопрос, на который у Нади не было ответа. Не могло быть.

— Это моя знакомая, не важно... — попытался соскочить с темы Леша.

— Важно, Леша, важно! — напирал на него Вадим, и в его голосе слышались стальные нотки. — Она все знает!

— Это она все организовала так, чтобы никаких дел не заводи́ли и вообще все было гладко, понимаешь? — стал как-то пытаться сгладить обстановку Леша.

— А ей это зачем? — откровенно удивился Вадим, нахмурившись.

— У нее очень много знакомых... Везде... — Леша сам до конца не понимал, насколько много. Эта сеть связей пугала даже его самого.

— Хм... Везде? — Вадим прищурился, его интерес заметно вырос. — То есть она очень ценная знакомая, так?

— Вадь, она... — Леша замялся, облизнул пересохшие губы. — Она работает только с теми, с кем хочет.

Неловко так получилось. Совсем не то хотел сказать.

— А вы с ней работаете? — с интересом и явным подозрением переспросил Вадим, наклонив голову набок.

— Я не так выразился, нет, — Леша замотал головой. — Просто она... Ну понимаешь... Я не знаю, как объяснить...

Он выдохнул шумно, почти выпустив весь воздух из легких:

— Она очень крутая.

— Прямо заинтриговал, — протянул Вадим, и было понятно, что он уже никак не хочет спрыгивать с этой темы. Вцепился, как бульдог.

— Вадя, это не то, что ты думаешь, — пытался хоть что-то объяснить Леша, но получалось из рук вон плохо. Каждое слово только усугубляло ситуацию.

— Ну еще скажи, что ты с ней не спал, — усмехнулся приятель, откидываясь на сиденье.

Пауза. Тяжелая, густая.

— Спал, — глухо ответил Леха, глядя в пол.

— Надя, по ходу, не в курсе, — прокомментировал Вадим это откровение, и в его голосе слышалось что-то торжествующее.

— Она не знает, не говори ей, — заволновался Леша, в голосе прорезались панические нотки.

— А чего тебе сейчас-то так волноваться? — удивился Вадик, изучая его реакцию.

Потом до него дошло, и он усмехнулся:

— А-а-а... я понял... То есть ты себе хранишь запасные пути, если с Юльчиком все обломится, да?

В его голосе проскользнула ревность — довольно явная, колючая.

Глава 11.

Он по крайней мере на данный момент никак не был готов расставаться с только что полученным призом в виде Надюши. Слишком сладко было ощущение обладания — как будто он наконец получил то, что давно хотел, но боялся признаться даже себе.

— Почему обломится? — опять встревоженно переспросил Леха, и в его глазах что-то дрогнуло, метнулось — темная тень страха, которую он пытался скрыть, но не успел.

Вадим видел это. Чувствовал, как приятель напрягся всем телом, как изменилось его дыхание — стало чаще, поверхностнее.

— Ну вот и не зли меня, чтобы не обломилось, — напомнил ему Вадик, и слова эти прозвучали тихо, почти мягко, но в них была сталь. Холодная, твердая угроза, которую невозможно было не расслышать. Он помнил — и знал, что Леша тоже помнит — что у него есть чем расстроить грандиозные планы приятеля на будущее.

— Вадь, ну пойми, — Леша заговорил быстрее, слова сыпались, спотыкаясь друг о друга, почти захлебываясь в спешке. — Ну тогда реально так было лучше. А то еще бы твой отец... Да и не дай бог, Гошича начали бы что-то... Ну пиздец бы был полный. Его батю знаешь...

Он пытался оправдать свой обман, и каждое слово звуча-

ло все более отчаянно. Вадим смотрел на него, прищурившись, пальцы медленно постукивали по рулю — ритмичный, почти гипнотический звук.

— Да ладно, проехали, — Вадим резко переменял тон, махнув рукой, будто отгоняя назойливую муху. — Просто давай расскажи мне подробно, как все было. С начала до конца.

Он хотел, грубо говоря, сверить показания Леша и Нади. Проверить, не врет ли кто-то из них. Разложить по полочкам эту историю, которая грызла его изнутри.

И они совпали. Практически слово в слово. Детали, которые нельзя придумать, интонации, паузы в нужных местах. Потому что Леся не хотел сейчас ничего выдумывать — слишком опасно, слишком много поставлено на карту — и тем более не хотел подставлять Надю, которая явно не могла ничего придумать от себя. Она всегда была слишком бесхитростной, слишком прозрачной.

— Вадь, не говори Гошичу, — тоже стал его просить Леся, голос потерял напор, стал тоньше, жалобнее. — У него же отец пиздец какой-то, сам знаешь...

— Вообще-то его это в первую очередь касается, — отметил Вадим холодно, разглядывая свои ногти с преувеличенным вниманием, будто там было что-то невероятно интересное.

— Его уже ничего не касается, год прошел! — логично заключил Леся, резко повысив тон, в котором прорезалось

раздражение. — Какой смысл ворошить?

Вадим поднял глаза, встретился взглядом с Лехой. Пауза затянулась, стала тяжелой, липкой.

— Я подумаю, — примирительно сказал Вадик, но лицо его оставалось непроницаемым, как маска. По нему было невозможно понять, что он решит. И это пугало больше всего.

Повисла пауза, наполненная каким-то особенным напряжением.

— С Надей все хорошо? — с некоторым испугом, но стараясь говорить небрежно, буднично, уточнил Леша. Горло сжалось — он с ужасом представлял, как Вадя мог отреагировать в тот самый момент, когда только узнал. Мог же и ударить ее. Мог наговорить такого... Мог сломать что-то внутри нее.

— Все отлично, — Вадим улыбнулся, уголки губ поползли вверх, и в глазах вспыхнуло что-то довольное, даже самодовольное. Явно думал о чем-то своем. — Дельфинчика сегодня опробовали.

— Чего? — не понял сразу Леша, брови сдвинулись, образуя морщинку между ними.

— Вибратор, — спокойно и даже как-то буднично пояснил Вадик, будто речь шла о новой модели телефона.

— Блять, ты как всегда, — вздохнул Леша, и вздох этот был тяжелым, протяжным. Вспомнил про его озабоченность всякими игрушками и сексом в целом.

Опять что-то неприятно защемило внутри — острое, колющее чувство, смесь вины с чем-то еще. С завистью? С сожалением? Образ Нади всплыл перед глазами — как она сейчас, что с ней, как она с этим? Нормально? А может, ей даже понравилось...

Он резко мотнул головой, прогоняя эти мысли, которые лезли, как тараканы из щелей.

++++
++++
++++

Надя.

Вадим вернулся не так быстро, как я ожидала. Прошло минут сорок, а может, и больше — я не следила за временем, только дергалась от каждого звука за дверью, от каждого шороха в подъезде. Нервы были натянуты до предела, вибрировали, как гитарные струны перед разрывом.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать ровно.

Перед самым его приходом пришла эсэмэска от Леши: «Все хорошо, не волнуйся, мы поговорили».

Телефон вибрировал в ладони, буквы расплывались перед глазами. Я перечитала сообщение раз, другой, третий.

Значит, все хорошо? Правда? Или он просто пытается меня успокоить? Может, все еще хуже, чем я думаю?

Вадим зашел какой-то задумчивый, брови слегка нахмурены, взгляд отсутствующий. Он прошел мимо меня к окну, движения замедленные, будто он шел сквозь воду, постоял

там, глядя куда-то вниз на улицу. Спина напряженная, плечи чуть приподняты. Потом развернулся — резко, одним движением — и поднял на меня глаза:

— Я решил не говорить пока Гошичу ничего, — объявил он, и губы тронула легкая, едва заметная ухмылка.

— Но все будет зависеть от твоего поведения.

Внутри все сжалось, скрутилось в тугой, болезненный узел. Воздух застрял где-то на полпути к легким.

— Какого поведения? — выдавила я, и голос прозвучал тоныше, выше, чем хотелось.

Что именно он теперь будет требовать? Что я должна делать? Или не делать? Какие новые правила игры он придумал?

Он подошел, движения неспешные, уверенные, кошачьи. Каждый шаг отдавался в моих висках. Обнял меня, руки скользнули по спине — теплые, тяжелые — и притянул близко к себе, так что я почувствовала тепло его тела, жар, исходящий от него, услышала биение его сердца — ровное, спокойное, совсем не похожее на мое бешеное.

— Шучу, — он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде проскользнуло что-то мягкое. — Че ты так испугалась?

— Не надо ему ничего говорить, — повторила я, и в голосе все еще дрожала мольба, слова выходили неровно. — Пожалуйста.

— Ну так я и не говорю, — он пожал плечами, легко, беззаботно. Потом добавил, разглядывая меня: — Ты же у меня

живешь — правильно?

А... Вот что! Он про это...

Так я и так получается здесь живу... Пока...

+++

Дни потекли один за другим. Я так никуда и не переехала — все откладывала, откладывала, находила причины, а потом просто перестала об этом думать. Мысль о переезде растворилась где-то на задворках сознания.

Ваде нравилось, как я готовлю. Он всегда с нетерпением ждал, когда я наконец поставлю все на стол, садился, откидывался на спинку стула и смотрел с ожиданием. Смотрел, как я нарезаю овощи — ритмичный стук ножа по разделочной доске, — как помешиваю что-то на сковороде, прислушиваясь к шипению масла, как расставляю тарелки, раскладывая приборы. И его глаза в эти моменты становились теплыми, почти мягкими, в них появлялось что-то домашнее, уютное.

Я время от времени убиралась, но, честно говоря, он с такой скоростью загрохачивал и захламывал квартиру — оставлял вещи где попало, разбрасывал носки, бросал мокрые полотенца прямо на пол в ванной, не убирал за собой чашки, которые появлялись на всех горизонтальных поверхностях — что я бы сама не справилась. Поэтому клининг два раза в неделю был очень кстати. Запах чистящих средств, свежесть выстиранного белья — это приносило ощущение порядка, хотя бы временного.

Секс был частым, но уже не настолько, как в первые дни. Вадя часто пользовался своими игрушками, чтобы довести меня до оргазма. Он считал, что это необходимо — что я должна получать удовольствие каждый раз. Это было его принципом, что ли.

Мне постепенно стал нравиться анальный секс... ну... он так много всего использовал — смазки с разными ароматами (клубника, ваниль), специальные пробки разного размера (от крошечных до внушительных), вибраторы — и так долго, терпеливо меня «приучал», методично, с каким-то почти научным подходом, что я стала откровенно получать очень яркий, почти ослепляющий оргазм в процессе. Волны накачивали одна за другой, заставляя тело выгибаться дугой. Конечно, с дополнительной стимуляцией клитора — без этого не работало, ощущения были неполными.

+++

В тот понедельник Леша так и не появился на Мосфильме. Я ждала, высматривала его в толпе, вглядывалась в лица, но он не приехал. Пустота странная образовалась — будто чего-то не хватало.

Но... в другую неделю все-таки появился. Я заметила его издалека — узнала бы эту фигуру, эту походку из тысячи. Легкая, довольно быстрая, с характерным разворотом плеч. Сердце ёкнуло, пропустило удар. Однако он даже не подошел ко мне, только как будто чисто по-дружески махнул рукой на расстоянии — коротко, быстро, почти формально, без

улыбки.

Я ответила тем же, стараясь, чтобы лицо не выдало, как сильно екнуло внутри, как горячая волна прошла по телу.

Я не хотела портить его планы. Ну раз так сложилось... Раз он так решил... Ну пусть... Живет своей новой жизнью, строит свое будущее с Юлей.

Однако он все равно теребил мою ранку ночными редкими сообщениями. Они приходили обычно поздно, когда я уже почти засыпала, и телефон вспыхивал в темноте ярким квадратом. «Как дела?» «Все хорошо?» Простые слова, которые причиняли боль именно своей простотой.

Я не понимала, зачем это. Зачем он пишет, если мы больше не вместе? Какой смысл в этих вопросах? Но все равно радовалась каждому сообщению, сердце подпрыгивало при виде его имени на экране, перечитывала их по нескольку раз, пыталась уловить между строк что-то большее, какой-то тайный смысл.

Вадя часто видел эти сообщения — он беспардонно просматривал мой телефон, когда я отходила в душ (слышала, как экран разблокировался характерным звуком) или на кухню. Брал его со стола, листал экран, читал переписки. Но ничего не говорил. Ни слова упрека, ни вопросов, ни претензий. Просто молчал и клал телефон обратно, и я находила его в том же положении, что и оставляла, но знала — он смотрел.

Глава 12.

+++

Маме про свой переезд к другому мужчине я сказала только через месяц. Каждый раз, когда я брала телефон, чтобы набрать её номер, пальцы замирали над экраном. Слова рассыпались, не складываясь в предложения. Как объяснить то, что я сама до конца не понимала? Как преподнести эту новость — про Вадима, про новую квартиру, про всё, что изменилось так стремительно?

Она очень удивилась. Я слышала это в паузе на другом конце провода — такой длинной, тягучей паузе, в которой уместилось всё. Слышала, как изменилось её дыхание, как она, наверное, села — скрипнул стул на кухне, тот самый, с продавленным сиденьем. Её голос стал другим — натянутым, как струна, которую вот-вот тронут.

— Так быстро? — только и спросила она.

В этих двух словах было столько всего: и беспокойство, от которого у меня защипало в носу, и недоумение, и осуждение, которое она пыталась скрыть, но оно всё равно просачивалось сквозь интонацию, как вода сквозь пальцы.

И даже, мне кажется, не одобрила. Но промолчала в целом. Не стала устраивать допрос с пристрастием, не стала читать нотации про поспешность решений — хотя я почти физически ощущала, как эти слова теснятся у неё на языке,

готовые сорваться. Только попросила — и голос стал твёрдым, приобрёл ту интонацию, которую невозможно игнорировать, ту самую материнскую сталь, которая появлялась в самые важные моменты — чтобы у неё был адрес и телефон Вадима.

Ну, я бы и сама хотела, чтобы мои родители знали, где я и с кем. На всякий случай. Мало ли что может случиться в жизни. Эта мысль царапнула изнутри холодком, но я отогнала её.

+++

Это был уже конец октября. За окнами деревья стояли в золоте и багрянце, листья шуршали под ногами — сухо, ломко, как старые письма. По утрам стало по-настоящему холодно: пар шёл от дыхания, клубился белыми облачками и тут же растворялся в воздухе. Пахло опавшей листвой — терпко, с горчинкой, — сыростью от мокрого асфальта и чем-то ещё, неуловимым, тем самым запахом приближающейся зимы, который ни с чем не спутаешь.

В тот вечер мы ужинали на кухне. За окном уже темнело рано, и город зажигался огнями — жёлтыми квадратиками окон в соседних домах, красными точками светофоров внизу.

— Батя хочет с тобой познакомиться, — сказал Вадя, не поднимая глаз от тарелки.

Я замерла. Вилка звякнула о край тарелки.

— Что?

Сердце провалилось куда-то вниз, в живот, оставив в груди пустоту и гулкое эхо. Его отец? Зачем? Почему именно сейчас? Мысли заметались, натывая друг на друга.

Вадим поднял голову и посмотрел на меня. Спокойно, ровно. Но в глазах читалось что-то новое — серьёзность, которой раньше не было, какая-то взрослая ответственность, проступившая сквозь обычную его беспечность.

— Он хочет посмотреть на девушку, с которой живёт его сын, — пояснил он, отламывая кусок хлеба. Крошки посыпались на тёмную столешницу, и он машинально смахнул их ладонью. — В принципе логично, да?

Но мне как раз вспомнилось, как он тогда говорил про него. Слова всплыли сами, непрощенные: что ему чуть ли не всё равно, в кого вставлять... Отвратительные слова, которые тогда так поразили меня, обожгли, как кипятки. Я помнила, как внутри всё сжалось от этой грубости, от того цинизма, с которым одиннадцатилетний мальчик мог думать о собственном отце.

Ладно, это, наверное, было давно. Вадиму тогда было одиннадцать лет. Может, с тех пор что-то изменилось. Люди ведь меняются. Иногда.

— Он приедет завтра к нам, — сказал Вадя.

Мне всё-таки казалось, что в голосе сквозит напряжение — тонкое, еле уловимое, — которое он пытался скрыть за показной уверенностью. Плечи его чуть приподнялись, как будто он ждал удара.

Мы как-то не обсуждали его отношения с родителями. Тема эта была закрытой, как дверь в комнату, куда не приглашают. Хотя он звонил маме периодически — я слышала, как он ходил с телефоном по квартире, голос становился тише, интимнее, он уходил в другую комнату или на балкон. Но часто я улавливала фразу: «Ну ты опять, да?» — произнесённую с раздражением, сквозь зубы. Очевидно, что он говорил про алкогольное опьянение.

Когда я пыталась что-то спросить — осторожно, намёками, обходя острые углы — Вадя начинал говорить, что на самом деле всё сейчас не так плохо, ситуация под контролем. Но его раздражало даже её небольшое опьянение. Даже намёк на алкоголь вызывал у него нервную реакцию — он дёргал плечом, отворачивался, губы сжимались в тонкую линию.

+++

Удивительно, но его отец оказался ниже Вадима ростом. Довольно-таки в теле, упитанный, так сказать — прям вот такой лоснящийся депутат с предвыборного плаката. Но внешне привлекательный мужчина, если отбросить недостатки веса. Хотя для его возраста в общем ничего необычного.

Хотя сказать, что он вот прям толстый, всё-таки было нельзя. Скорее плотный, солидный. Такой, которого называют «представительным». Костюм сидел хорошо — дорогой, сшитый на заказ, ткань мягко обнимала фигуру, скрывая недостатки. Часы блестели на запястье — массивные, зо-

лотые, из тех, что стоят как автомобиль.

От него пахло дорогим парфюмом — что-то древесное, с нотами сандала и кожи. Запах заполнил прихожую, как только он переступил порог.

Я приготовила кролика. Долго мариновала его в красном вине с розмарином, тимьяном и можжевельновыми ягодами — мясо впитывало ароматы почти сутки. Овощи запекла с оливковым маслом — кабачки, баклажаны, перцы, — они получились карамелизированные, с тёмными подпалинами по краям. И картошечка молодая — золотистая, хрустящая снаружи, мягкая внутри. Запах стоял по всей квартире: аппетитный, домашний, обволакивающий.

— Так Надюша ещё и готовить умеет, — восхитился он, пробуя кролика.

Жевал медленно, смакуя каждый кусочек. Глаза прикрылись от удовольствия, он издал тихий одобрительный звук — почти мурлыканье.

— Это одно из её главных достоинств, — самодовольно подтвердил Вадим.

Сказал так, как будто это была его личная заслуга, его достижение, его находка. Откинулся на спинку стула, положил руку на мой подлокотник — жест собственника.

— Но наверное же не единственное, — хитро глядя на меня, спросил его отец.

В этом взгляде было что-то оценивающее, изучающее. Как будто он прикидывал стоимость. У него были глаза почти

карие — тёмные, глубокие, с рыжими искрами в глубине. Хотя, может, и зелёные — при определённом освещении они меняли цвет.

Я отвела взгляд, сделала вид, что очень занята своей тарелкой.

— А что же у нас Надюша-то в офисе почти не бывает? — как-то так вдруг, сделав серьёзный вид, нахмурившись театрально, сказал Дмитрий Павлович.

Звякнул прибор о фарфор. Повисла пауза.

— Надюша, — Вадим сделал паузу, дал словам повиснуть в воздухе, как дыму от свечи, — у нас, — показал на себя жестом, красноречивым и чётким, указательный палец ткнул в грудь, — в офисе бывает по необходимости. А когда её нет — работает из дома.

Он указал на большой ноутбук, который стоял на небольшом письменном столе около панорамного окна в зоне столовой.

Мне там очень нравилось работать. Такой красивый вид на город открывался — крыши домов, деревья с уже облежавшей листвой, похожие на нервные рисунки на сером небе. Птицы иногда пролетали — вороны, голуби, однажды я видела сокола. Работать за этим столом мне всегда было очень приятно. Рядом стоял маленький столик — чуть ниже, для кофе и чего-нибудь вкусного: печенье, фрукты, иногда шоколадка.

Вадим откровенно намекал отцу, что офис его. Расстав-

лял точки над i, обозначал территорию. Метил, как зверь.

— Ну да, ну да, — ответил папочка.

То ли на то, что офис Вадима, то ли на то, что нет для меня необходимости туда часто ездить. Интонация была неопределённой, скользкой, но в ней слышалось принятие. Пока — принятие.

Я всё больше занималась сценариями, и мне это нравилось. Погружаться в истории, выстраивать диалоги, слышать голоса персонажей в голове, продумывать сюжетные повороты — что, если героиня сделает не так? А если так? На съёмки Вадим всегда возил меня сам. На самом деле он вообще везде меня возил. Ну или ездил со мной.

Ему самому ездить по большому счёту никуда не надо было. Все переговоры, которые у него были, проходили по телефону или по видео. Я слышала обрывки разговоров из соседней комнаты — цифры, названия компаний, какие-то коды, сокращения. Очень-очень редко он всё-таки ездил на какие-то встречи, но это случалось раз, может два в месяц, не чаще.

Как я понимала, он управлял активами отца. Но это было неофициально, в тени, в той серой зоне, где всё размыто и ничего нельзя потрогать руками. Это всегда был не то чтобы какой-то обычный легальный бизнес. Схемы, оффшоры, фиктивные контракты, деньги, которые перетекали из одного места в другое, как вода.

+++

Примерно через неделю в офис вроде должен был приехать «клиент». Меня попросили прийти заранее: подготовить кое-какие контракты для подписания, алкоголь выставить на стеклянный столик, бокалы расставить, лёгкую закуску заказать. Канapé, нарезки, фрукты — всё должно было выглядеть богато и небрежно одновременно.

— Я тогда в магазин, и потом тебя заберу, принцесса, — предложил мне Вадим.

Он хотел купить себе пальто и ботинки — давно присматривал что-то конкретное, показывал мне фотографии на телефоне, листал каталоги.

— Конечно, — согласилась я легко.

Я не задумывалась особенно, почему он меня постоянно возит. Ему так казалось удобнее, привычнее. На съёмки ему самому было интересно ездить — наблюдать за процессом, за светом, за камерами, за тем, как оживает история. Да и вообще получалось, что это просто повод выйти днём из дома, сменить обстановку.

Потому что иначе он выходил в основном только на шопинг или в клубы, куда он меня также усиленно таскал. Музыка там гремела до звона в ушах — бас бил в грудь, вибрировал в рёбрах. Свет мигал разноцветными вспышками, от которых кружилась голова. Воздух был густой от пота, духов, алкогольных паров — дышать приходилось неглубоко. Как обычно, там была их тусовка: знакомые лица, объятия, крики через музыку — «Вадя-а-ан!», «Братан!». Но вот Лё-

ша уже не появлялся. У него явно появилась другая, более интересная и важная тусовка, другой круг общения. Другая орбита.

А может, у него вообще не было времени на клубы.

+++

Офис встретил меня тишиной и запахом свежего кофе — я сварила его, пока раскладывала документы. За окнами уже смеркалось, хотя было ещё рано. Ноябрь забирает свет жадно, по минуте каждый день.

Я уже думала уходить — как обычно. С клиентами я не встречалась. Никто не хотел, чтобы я с ними встречалась.

Накинула пальто, взяла сумку. И тут дверь распахнулась — быстро, стремительно, без стука. Вместе с потоком воздуха в офис ворвался запах дорогого парфюма, того самого — сандал, кожа, что-то пряное.

Дмитрий Павлович.

Он стоял на пороге, заполняя собой дверной проём. Пальто расстёгнуто, шарф небрежно переброшен через плечо. Щёки покраснелись от холода — или от чего-то ещё.

— Дмитрий Павлович... — удивилась я. Голос прозвучал выше, чем мне хотелось.

— Надюша, — он прикрыл за собой дверь.

Щелчок замка прозвучал громче, чем следовало. Или мне показалось. В комнате стало как будто меньше воздуха.

Глава 13.

Я подумала, что это он с кем-то хочет встретиться. Хотя обычно он сам «не светился», держался в тени, как паук в углу паутины. За него, как я поняла, встречался тот самый Сергей — негласный помощник-представитель, серый кардинал.

— Я уже ухожу, — заверила я его. Постаралась, чтобы голос звучал ровно, деловито. Чтобы он не волновался, не думал, что я помешаю встрече.

— Не спеши.

Он поймал мою руку. Пальцы у него были тёплые, влажноватые, мягкие. Кольцо — массивное, золотое — холодило кожу.

Я напряглась. Мышцы на спине словно окаменели. Зачем он меня трогает?

— Вадим так долго скрывал от меня такую красивую девушку.

Он как-то странно тянул меня в сторону диванчика — того самого, кожаного, у стены. Не грубо, но настойчиво. Как будто это было совершенно нормально. Как будто он имел на это право.

— Вам что-то нужно? — спросила я.

Голос всё-таки дрогнул. Совсем чуть-чуть.

— Конечно нужно, — заверил он меня.

Губы растянулись в улыбке, но глаза оставались холодными, оценивающими. Он упорно дотянул меня до дивана. Ноги мои не хотели идти, но он был сильнее, чем выглядел.

— Садись. Ты что пьёшь? — предложил он. Как будто мы на светском рауте. Как будто ничего странного не происходит.

Ситуация явно уходила не в то русло. Внутри меня что-то сжалось — тугой холодный комок где-то под рёбрами. Я пока не понимала, как мне лучше себя вести. По факту владельцем всего был он. Насколько я понимала. Стены, мебель, контракты — всё это было его. И я... я тоже была частью этого «всего»?

— Спасибо, ничего, — отказалась я. Голос звучал тише, чем хотелось.

Он сам сел — тяжело, по-хозяйски развалился, — и хлопнул по дивану рядом с собой. Кожа скрипнула под его весом.

— Садись.

— Мне нужно идти, — упорно повторила я.

Стояла прямо, вцепившись пальцами в ремень сумки. Костяшки побелели.

— Надюш, ты что-то не понимаешь.

Он откинулся на спинку, посмотрел на меня снизу вверх. В этом взгляде было что-то такое... Снисходительное. Как смотрят на собаку, которая не выполняет команду.

— Это всё — моё. И ты здесь работаешь только потому,

что я так хочу.

Уже совсем непрозрачно. Уже без намёков.

Мне стало ужасно неприятно. Противно. Как будто по коже ползёт что-то липкое. То есть он что-то от меня хочет. То есть Вадим не преувеличивал — отец постоянно ищет, кому бы вставить. Не выдумывал из детской обиды.

Иногда ведь дети могут преувеличивать греховность своих родителей из-за обиды. Но не в этот раз. Не здесь.

— Ничего страшного, если вы не хотите — я не буду работать, — спокойно ответила я.

Удивилась сама себе — откуда этот ровный тон? Внутри всё тряслось, но снаружи я была как каменная.

— Ишь ты. Смотри какая, — удивился он. Искренне, с каким-то даже восхищением в голосе. Брови поползли вверх.

— Так что не смею утруждать вас своим присутствием.

Уже раздражённо. Всё вскипало от этой пошлости, от его пальцев, от этого запаха дорогого парфюма, который теперь казался тошнотворным. Я выдернула руку — резко, с силой — и направилась к двери.

Она оказалась закрытой. Замок — тот самый, который щёлкнул так громко. Я нащупала защёлку, повернула — но на это потребовалось время. Секунда. Две. Слишком много.

Он поднялся с дивана — как-то очень быстро для своего веса, стремительно — и подлетел ко мне. Рука обхватила талию, притянула назад. От него пахло не только парфюмом — коньяком ещё.

— Стой. Куда собралась?

Уже совсем беспардонно. Дыхание его касалось моего уха

— тёплое, влажное.

— Да ты что, не понимаешь, кто я?

Начал напирать. Всем телом. Я чувствовала его живот у себя на спине, чувствовала, как его пальцы впиваются в бок.

— Дмитрий Павлович, я со всем уважением, но я пойду.

Еле держалась. Внутри всё кричало — развернуться, ударить, вцепиться ногтями в эту румяную физиономию. Но я стояла, вжавшись в дверь, и пыталась нащупать замок.

— Ну что ты ломаешься? Хочешь, я тебе отдельную квартиру сниму?

Ошарашил меня таким щедрым предложением. Голос у него стал другим — вкрадчивым, масляным. Как будто он делал мне одолжение. Как будто я должна была быть благодарна.

Интересно — а как он себе это представлял? Я буду сидеть в этой квартире, ждать его визитов, улыбаться, раздвигать ноги по первому требованию?

И тут — на моё счастье — дверь распахнулась.

Я чуть не упала — отшатнулась назад, спиной в грудь Дмитрия Павловича. Но в проёме стоял Вадим.

В руках пакет из бутика. Пальто новое переброшено через локоть. Лицо — застывшее, как маска. Только глаза горели.

Я резко скинула руки его отца со своей талии. Рванулась вперёд — к Вадиму, к двери, к выходу из этого кошмара.

Вадим тут же перехватил меня. Обнял за талию — крепко, собственнически — и прижал к себе спиной. Я чувствовала его сердцебиение — быстрое, злое — через джемпер.

— О, папуль, — голос его звучал легко, почти весело, но под этой лёгкостью была сталь, — а ты что это тут лапки свои протянул к моей Наде, да?

Очень нагло. Безапелляционно. Он смотрел на отца сверху вниз — и дело было не только в росте.

— Да ты как вообще с отцом разговариваешь! — возмутился Дмитрий Павлович.

— А как ты себя ведёшь — так и разговариваю. Тебе кто разрешал её трогать?

Вадим продолжал напирать. Голос стал жёстче, острее. Я даже как-то обалдела. Он же его отец... Кровь. Семья. Всё это должно что-то значить.

— Да ты щенок такой! Да я тебе весь кислород перекрою живо! — возмутился папочка.

Сделал шаг вперёд. Палец ткнул в воздух — угрожающий жест, который выглядел бы смешно, если бы не глаза. В глазах была настоящая ярость.

— Чего это ты сейчас сказал, а?

Вадим в прямом смысле слова усмехался. Уголок рта пополз вверх, обнажая зубы. Он был доволен. Он наслаждался этим.

— Да ты быстро лишишься...

Но он не договорил. Потому что слишком много было за-

вязано на Вадима. Слова застряли в горле, как рыбья кость. Я видела, как он осёкся, как что-то промелькнуло в его глазах — понимание? страх?

— Папуль, а ты, видно, забыл, да? На какой факультет ты меня отправил учиться?

Вадим продолжал насмехаться. Голос его звенел от удовольствия.

— На ю-ри-ди-чес-кий, — по слогам проговорил он, улыбаясь победной улыбочкой.

Растягивая каждый слог, как ириску. Смакуя.

Было видно, что от такого обращения с собой папуля явно растерялся. Лицо его менялось — багровое сменялось бледным, потом снова наливалось краской. Он открыл рот, закрыл. Снова открыл.

— Так вот — прикинь, а я там ещё и учился! — отметил Вадик.

На самом деле я была удивлена за эти месяцы — насколько дотошно он умеет работать с документами. Каждую запятую проверял, каждую формулировку. Он оказался из тех, кто читает тот самый мелкий шрифт очень внимательно.

— И что? — уже как-то теряя запал, переспросил родитель. Голос сдулся, как проколотый шар.

- А то, папуль, оффшоры почти все на мне, так что ты попридержи свой гонор и в следующий раз думай, что делаешь и говоришь, - тут он меня утянул в коридор, вызвал лифт и мы ушли, оставив этого самого Дмитрия Павловича хлопать

глазками в прямом смысле слова.

Он даже слова не мог произнести после заявления про оффшоры.

В лифте Вадя прижал меня к стенке и жадно поцеловал от чего у меня все растекалось по телу заводя внизу тот самый моторчик, что стал такие активным с ним.

- Не волнуйся, я не подозреваю тебя, что ты жаждала отсосать моему папочке, я же лучше, - самодовольно и самоуверенно заявил он.

Это была чистая правда. Он молодой, правда очень привлекательный и пока еще стройный парень.

В машине я спросила его ошарашенно:

- Это правда про оффшоры?

- Конечно, - усмехнулся он, ты что думаешь, я такой тор-моз, что буду зависеть от папули до старости что ли? Да нет. Это он будет зависеть от меня, - Вадим усмехался. Он был доволен собой и своей такой вот победой над отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.